

Михаил Орлов

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

из хроник XIV века

Михаил Орлов

**Между молотом и наковальней.
Из хроник времен XIV века**

«Геликон Плюс»

2019

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Орлов М. А.

Между молотом и наковальней. Из хроник времен XIV века /
М. А. Орлов — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-192-4

Действие романа происходит в конце XIV века, когда, казалось, рушился сложившийся миропорядок. Люди со страхом ждали завтрашнего дня. Умер Дмитрий Донской, и на престол в Москве взошел его сын Василий. Он не был великим государем, но за время его правления произошло немало событий, наложивших отпечаток на судьбу Восточной Европы. События романа происходят на Руси, в Византии, Орде, Литве, Тевтонском ордене...

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-192-4

© Орлов М. А., 2019
© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1	8
2	11
3	15
4	17
5	20
6	23
7	25
8	28
9	31
10	35
11	38
12	42
13	44
14	47
15	49
16	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Александрович Орлов
Между молотом и наковальней
Из хроник времен XIV века

*И Он, отверзиши уста Свои, учил их, говоря:
Блаженны нищие духом, ибо их есть
Царствие Небесное.
Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...*
Новый Завет от Матфея, 5:2-6

Пролог

Кончалось «гибельное» XIV столетие – может стать, самое неласковое за всю историю человечества. Век страшной эпидемии чумы, нареченной «черной смертью». Средств от нее не существовало, а условия для распространения имелись идеальные: несоблюдение элементарных карантинных мероприятий, отсутствие фармакологических средств и многочисленные суеверия, обитавшие как во дворцах, так и в лачугах. Впоследствии эпидемии чумы посещали Европу каждое десятилетие, но не такие сильные, и все постепенно привыкли к ним.

Кроме естественных напастей имелось немало и привнесенных людьми. Войска Тимура Гурагана¹, называемого Бичом Господним или Железным Хромцом, вихрем проносились по Азии, заставляя сердца трепетать при одном упоминании о нем.

Возникла и будто на дрожжах разрасталась Османская держава, а соседняя с ней тысячетная Византийская медленно, но неумолимо угасала. Турки переправились через Дарданеллы и вскоре захватили значительную часть Балкан. Вокруг Константинополя смыкалось кольцо врагов. В то же время это был период расцвета греческой литературы, музыки, архитектуры и изобразительного искусства. Будто предсмертный румянец озарил лик империи. Православный Восток изнемогал в борьбе с исламом и терпел поражение за поражением, а католический Запад, кривя свой злорадный оскал, саркастически ухмылялся, наблюдал за происходящим.

Северо-восточную часть Европы заселял славяно-угорский народ, называвший себя русским. Жители глухих деревень не представляли себе, что творилось за околицей, и вели полускотскую первобытную жизнь, потому часто не доживал и до двадцати пяти.

Неурожаи несли с собой смерть, и все смирились с тем, что люди умирают от голода. Большинство простолюдинов жило не лучше скотины, а земное существование воспринималось подвигом, посредством которого завоевывалось место в Царствии Небесном, являвшееся наградой за праведную, непорочную жизнь.

Историки подсчитали, что за XIV столетие голод посещал Русь тридцать семь раз! При этом летописание велось нерегулярно и находилось в плачевном состоянии. Многие из хроник сгорели в огне пожаров, и данные о положении в некоторых землях не сохранились. Даже в благополучные годы запасов фуража редко хватало до мая, потому в марте начинался забой скота, а с появлением молодой травы живность выгоняли в поле. Никто не пытался заглянуть в завтрашний день, ибо не ведал, что тот несет в себе, и страшился его.

Восточная Русь платила «выход» татарам и была подвластна четырем великим княжествам: Владимирскому, Тверскому, Нижегородско-Суздальскому и Рязанскому, которые, в свою очередь, отсылали собранную дань в улус Джучи, который русские называли Ордой. Ее столица находилась на берегу Ахтубы в Сарае-Берке. Западная Русь почти добровольно присоединилась к Литве и частично к Польше с Венгрией.

Платя дань улусу Джучи, Восточная Русь получала за это защиту от Запада, но неожиданно платить стало некому. Слишком часто стали меняться ханы. С середины XIV века Орду чуть не ежегодно сотрясали государственные перевороты. Этот период в русских летописях нарекли «великой замятней». Порой ханов становилось сразу двое, а то и трое, отчего голова шла кругом. После Куликовской битвы улус Джучи вновь объединился под властью Тохтамыша – потомка старшего сына Чингисхана.

В Европе все выглядело даже запутаннее, чем на Востоке. Латиняне имели сразу двух понтификов, то есть пап, со своими конклавами: в Риме и Авиньоне, что порождало брожение

¹ Гураган, иранизированный вариант монгольского «куруген» – зять хана. Женившись на Сарай-Мульк-ханум, дочери последнего хана улуса Джагатай, Тимур прибавил к своему имени приставку зять.

умов. Джон Виклеф, профессор из Оксфорда, открыто требовал секуляризации² церковных земель и упрощения некоторых священных обрядов. Прежде да и впоследствии за такое сжигали, но теперь многое менялось... Философствующая мысль пыталась освободиться от авторитета церкви, что пугало. Запад проходил бурную, хаотическую стадию своего развития.

На Руси все тоже обстояло не просто. Вместо одного митрополита имелось трое: в Киеве, Москве и Галиче, хотя вселенская патриархия сего не одобряла.

В Новгород из Константинополя пригласили чудного богомаза Феофана Грека для росписи церквей, а на Востоке, в «городе роз и птиц» Ширазе, сплетал свои чудесные стихи сладкоголосый Хафиз. В Италии разгоралось Возрождение. Люди чувствовали, что что-то меняется, но не понимали что. Флорентинец Данте Алигьери создал «Комедию» (позднее получившую эпитет «Божественная»), сын юриста Франческо Петрарка – сонеты о Лауре, а побочный сын купца Джованни Боккаччо – «Декамерон», которым зачитывались все – от знати до простолюдинов.

У польско-венгерского короля Людовика I Великого³, после его кончины не осталось наследника мужского пола, зато имелись две дочери: Мария и Ядвига. В результате сложных интриг и переговоров первая стала королевой Венгрии, выйдя замуж за Бранденбургского маркграфа Сигизмунда, а вторую короновали в Кракове. Законы Польши запрещали возводить на престол женщину, поэтому принцессу официально провозгласили не королевой, а монархом!

Вскоре высокородные паны вознамерились выдать ее замуж. Кому первому пришла в голову мысль – выдать королеву за великого литовского князя Ягайло неизвестно. Однако при этом Польша получала правителя, способного противостоять все усиливавшемуся давлению Тевтонского ордена, и обезопасила свою восточную границу. «Ценой вопроса» являлись принятие Ягайло католицизма, женитьба на четырнадцатилетней милостивейшей королеве Ядвиге и уния⁴ между славной Польшей и неукротимой Литвой. Ягайло согласился на это, тем более что его будущая супруга слыла красавицей – была высока, стройна, имела длинные вьющиеся волосы и правильные черты лица. Ее сравнивали с Еленой Прекрасной, и некоторые шляхтичи специально делали крюк, чтобы заехать в Краков и взглянуть на нее.

Непонятным остается и вопрос как общались молодые. Ядвига не знала ни литовского, ни белорусского языков, которые являлись государственными в Литве, а Ягайло не понимал ни по-венгерски, ни по-польски. Тем не менее, этот брак имел для Восточной Европы далеко идущие последствия. Заключив Кревскую унию⁵, жених перешел в католичество, получив новое христианское имя Владислав, обвенчался с Ядвигой и короновался в Кракове, после чего принялся распространять латинскую веру на землях великого Литовского княжества. В Вильно залили неугасимый священный огонь – знич перед идолом Перкунаса (Перкуна) и перебили священников ужей. Бедные литовцы, дотоле носившие звериные шкуры, за переход в католицизм получали белые суконные рубахи, что прельщало многих.

От удельных литовских князей Ягайло потребовал грамоты на верность «королю, королеве и польской короне». По нормам тогдашнего международного права это означало переход в другое подданство. Великое Литовское княжество заволновалось. Попытка изменить веру – не шутка. В головах у людей царила полнейшая неразбериха – предвестница гражданских неурядиц и смут...

Объединение Польши и Литвы северо-восточные русские княжества восприняли по-разному, ибо оказались между молотом и наковальней...

² Изъятие чего-либо. Обычно под этим понимают передачу церковной собственности светской власти.

³ Правил в Венгрии с 1342-го по 1382 год.

⁴ Уния – объединение (лат.).

⁵ Заключена 14 августа 1385 г. в местечке Крево.

Часть первая (1387-1392)

1

Шестнадцатилетний княжич Василий Дмитриевич, наследник великого владимирского и московского князя Дмитрия Ивановича, победителя темника Мамай на Куликовом поле, бежал со своим рындой Шишкой из Сарая-Берке, где находился на положении заложника около трех лет. Вместе с собой кроме сменного белья они везли в переметной суме черного кота с белыми усами по кличке Веня.

В светлое Пасхальное воскресенье Шишка спас любимого зверя княжича от своры бродячих собак, кинувшихся на него со двора. Василий растерялся, но слуга спас Веню, за это княжич даровал ему звание рынды. Так называли оруженосцев-телохранителей князей, которые сопровождали своих господ при выездах за город и в военных походах. На эту должность назначали молодых людей из семей придворных, а Шишка был человеком без роду-племени... Княжичам такая охрана не полагалась.

Под Крещение Христово через Молдавию путники подъехали к городу Луцку, находившемуся на Волыни.

За несколько верст до города конь под княжичем пал, а где-то в лесу раздавался леденящий душу протяжный волчий вой. Дальше ехали на одной лошади... Боялись, что и та падет, но до города добрались.

Княжеский замок возвышался на холме, опоясанном замершими в ту пору рвом и рекой Стырь. Если смотреть на крепость с высоты птичьего полета, то во в плане она представляла из себя треугольник с башнями по углам. Ворота оказались уже запертыми на ночь. Пришлось долго молотить в них, чтобы впустили. Наконец приезжих впустили и провели к хозяину замка удельному князю Витовту Кейстутовичу, принявшему незваных гостей в исподней рубашке. После возвращения последнего в Литву из Ордена, куда тот бежал от Ягайло в женском наряде, король пожаловал ему Луцк с Брестом, Гродно и Каменцом, но не угождая его батюшки Кейстута.

Расспросив княжича, Витовт зевнул, велел накормить молодых людей и отвести им горницу для ночлега. В тот вечер Василий представлялся луцкому князю подарком судьбы, но он еще не вполне представлял себе, как им воспользоваться. Однако он обладал качествами незаурядного политика: умом, дальновидностью, неразборчивостью в средствах и хитростью, к тому же верил более щиту с мечом, нежели молитве с крестным знаменем, и не желал своего упустить.

Наутро Василий проснулся от кошачьего мяуканья и царапанья в дверь когтями. Накинув на плечи тулуп, вышел с ним на запорошенный снегом двор. Морозный хрустальный воздух пьянил. Хорошо! Морозец хотя и не сильный, но пощипывал щеки. Бездумно смотрел княжич на еще не начавшее светлеть небо с яркими звездами и месяцем, удивляясь величию и непостижимости Творца, создателя всего сущего!

От этого княжича отвлек скрип. Обернулся и узрел в темном дверном проеме соседнего строения деву в меховой накидке с капюшоном, под которой светлела сорочка. Лица из-за капюшона не разглядеть, только один глаз да насмешливо кривящиеся губы. Юношеская фантазия мгновенно дорисовала недостающее, превратив незнакомку в записную красавицу. Легкой походкой она сделала несколько шагов в его сторону и остановилась.

– Кто такой, почему не знаю? – звенящим от морозца девичьим голосом спросила хозяйски.

– Сын великого владимирского и московского князя Дмитрия Ивановича, – отрапортовал Василий и в свою очередь полюбопытствовал: – А ты кто такая?

– Ишь какой шустрый! Сразу видно из здешних. Знаешь легенду о бывшем хозяине этого замка, славном воителе князе Любарте?⁶

Василий Дмитриевич покачал головой:

– Откуда же?!

– Ну, так слушай. Приняв греческую веру, Любарт женился на здешней княжне Анне-Буче и взял себе христианское имя Дмитрий, но не остепенился и тайно продолжал поклоняться своему литовскому богу Перкунасу. Мало ему показалось венчанной супруги, родившей ему пятерых сыновей. На старости лет он соблазнился юной красавицей Оксаной, что обитала на посаде, но та оказалась такой богомольной, что подолгу в слезах молилась перед распятием. Любарт принялся помогать ей, но она отвергла его домогательства. Тогда взбешенный князь отдал девицу на поругание своим ратникам, а те – известные злодеи. Надругались над несчастной по-зверски. После того что с ней сделали, она спятила и вскоре умерла. Дух ее, однако, отомстил им: двое из ратников погибли жуткой смертью, а третий исчез со всем своим родом, будто никогда и не жил на белом свете. Говорят, черти уволокли его в ад. С тех пор призрак несчастной Оксаны бродит по замку, пугая людей. Так я и есть, та Оксана, княжич! Не догадался, что ли? Что побледнел, заячья душа? Ха-ха-ха...

Василий и в самом деле невольно вздрогнул и схватился за рукоять кинжала, но тут же отогнал от себя страх. «Никаких приведений на рассвете нет и быть не может, особенно после первого крика петуха. Лукавит, что ли? Стоит нечистой силе услышать голос петуха, как она тут же убегает к себе в преисподнюю».

– Что ты мне тут небылицы рассказываешь? Думаешь, испугался?

– Ишь какой смельчак нашелся! Так ты что же и в Дьявола не веришь? Не знаю, как ты, а я люблю байки про ведьм: отчаянные они, бодовые...

За стеной раздался не хриплый, как в первый раз, а звонкий, залиvistый крик прочистившего горло петуха.

– Мне пора, – опять расхохоталась дева и исчезла за дверью, лязгнув засовом.

Интуитивно бросился к дверному проему, дернул за ручку – заперто. Странная, непонятная тоска объяла душу, хотя ничего особенного не произошло. Таких девиц везде полным-полно.

Вернулся в горницу, растолкал рынду, который был не намного старше его, хотя в юности несколько лет – немалый срок. Шишка, открыл глаза и уставился на Василия.

Человек часто не может поступать так, как желает. Не являлся исключением и Шишка. Всю короткую, но сумбурную жизнь его окутывал холод одиночества. Он не помнил ни своих родителей, ни имени, которым его нарекли когда-то, но дешевый оловянный крестик на кожаном ремешке говорил о том, что он православный. В ту пору прозвища нередко заменяли имена, вот его и нарекли такие же как от без роду и племени людишки Шишкой. Был он неказист: конопат и имел к тому же бельмо на правом глазу, которое не украсило его. Не красавец, но и не урод все же. Так, на любительницу... Когда-то его подобрал на дороге Спасский архимандрит Митяй-Михаил, а потом после ухода из Москвы Тохтамыша взял к себе великий князь Дмитрий Иванович. Смышленный паренек умел читать и кое-как изъяснялся по-гречески, то есть считался по тем временам почти ученым. Когда в Орду отправляли княжича Василия, то тот упросил отца отпустить с ним кота Веню с Шишкой.

⁶ Любарт – князь галицко-волинский (1340-1383 или 1385), один из сыновей литовского князя Гедимина.

Разбуженный княжичем рында присел на лавку, и когда окончательно он пришел в себя, Василий рассказал о встрече с незнакомкой. Тот лишь тряхнул головой, будто отгоняя наваждение, и спросил:

– Ведьма, что ли? Так здесь их много... Тут чуть не каждая жинка приятельство с нечистым водит и на Лысую гору летает, где всякая нечисть устраивает бесовские игрища в ночь на Ивана Купалу...

– Фу ты, ну ты! Я тебе об одном толкую, а ты мне о другом!

В то же утро, только позже, дочь князя Витовта заглянула к отцу и полюбопытствовала:

– Вышла утром во двор и встретила там молодца, который назвался московским княжичем. Не слукавил ли?

– Нет, возвращается к себе из Орды через Волынь, как будто правое ухо удобнее чесать левой рукой. Ну да это его забота...

– Как знать, как знать, батюшка... – заметила уклончиво Софья.

Князь внимательно посмотрел на нее и погрозил перстом:

– Смотри у меня, плутовка! Оставь свои глупости!

Как обычно в подобных случаях, он сделал вид, что не уразумел намека дочери, ибо не желал сего понимать. Так проще и дешевле. К тому же Витовт прекрасно знал двойственный характер Софьи, состоящий из причудливого смешения добродетелей и пороков: живого ума, пылкого темперамента и любви к сомнительным развлечениям.

2

Не вполне осознавая, зачем это делает, княжич каждое утро выходил во двор затемно, надеясь встретить ту чертовку, которую видел в первое утро его прибытия в Луцк и пробудившую в нем сладостное, пьянящее чувство. Смотрел на заснеженные шатры замковых строений, прислушиваясь, не скрипнет ли дверь, но всё тщетно. Возвращаясь в тепло горницы, недоумевал: «Пригрезилась она мне тогда, что ли?»

– Ну что, не прилетела ведьмочка? – смеясь, встречал Василия Шишка. – Видно, метлу потеряла или лукавый ей больше приглянулся, нежели ты.

Настала пора возвращаться в Москву, но последние деньги иссякли. «Не пристало княжичу плестись в компании убогих калик», – размышлял Василий, поглаживая кота, которого считал домашним, хотя тот по манерам и характеру, принадлежал к дикому лесному братству.

«Такую двуногую тварь легче загрызть, чем приручить, но лапа на него не поднимается, – в свою очередь, размышлял кот Веня, развалясь у печи и щурясь на огонь. – Кошачья жизнь длинна, запутана и полна превратностей, недаром людской год приравнивают к семи кошачьим...»

В конце концов, судьба вознаградила Василия за упорство. Однажды опять скрипнула дверь, и мурашки пробежали по спине. Неужели? Да, та самая красotka, назвавшаяся Оксаной, но на сей раз в другой накидке без капюшона с рассыпанными по плечам волосами цвета светлого пива, показалась во дворе замка.

– Здрав будь, молодец. Опять не спится? Уж не захворал ли? Перед кончиной многие, говорят, маются, на звезды смотрят, с жизнью прощаются...

Василий неопределенно пожал плечами и подошел поближе, дабы получше разглядеть чаровницу. Та не отшатнулась – взглянула в глаза прямо и дерзко, будто в грудь по самую рукоять всадила безжалостный трехгранный стилет. Обомлел на миг: глаза у красотки большие колдовского зеленого цвета. Что-то загадочное, манящее притягивало его к ней, и от этого становилось не по себе.

– Что молчишь? Нравлюсь?

Поежился и выдохнул из себя, словно в безумии:

– Очень! Очень!

– Смотри у меня, не влюбись, а то погибнешь, – предостерегла со смехом.

Какой-то туман обволок сознание княжича, хотя ни сном, ни духом не ведал последствий случившееся, но еще не осознанное. В душе свершилось что-то невообразимое, от чего учащенно забилося сердце, готовое выскочить из груди...

Меж тем чаровница ударила одним сафьяновым сапожком о другой, сбивая налипший снег, и опять скрылась.

«Ведьма, да и только! Лишь исчадье ада может быть так очаровательно и плутовато», – подумалось Василию, и он непроизвольно осенил себя крестом.

Задрал голову, и ему показалось, что из трубы вылетела тень и с сатанинским хохотом пронеслась над зубчатой стеной. Тьфу ты, наваждение какое-то, наслушался Шишки, теперь мерещится невеста что. Тряхнул головой, и все исчезло.

На следующий день по случаю Крещения Господня в реке Иордан Витовт давал пир. Пригласил на него и московского гостя. Религия являлась основой мировоззрения, и церковные праздники отмечали неукоснительно с благочестием и благоговением.

Луцкий князь воспитывался совсем по-иному, чем его православные подданные. Сперва его опекали языческие жрецы – креве, как называли их балтийские народы, а потом учил православный духовник жены. Во время бегства в Орден Витовта наставляли в вере католические капелланы. Тогда он недурно освоил нижненемецкий диалект и иногда примешивал к

речи латинские фразы, чем поражал гостей с Запада. Внешне луцкий князь так же отличался от своих подданных: стриг голову на западноевропейский манер и брил лицо, хотя в Великом Литовском княжестве все – от высшей знати до простых холопов – носили бороды. Еще одна странность: он не любил ни охот, ни хмельных пиров, а в обращении с людьми держался довольно сдержанно, если не сказать холодно. С возрастом Витовт смирил свой нрав до неузнаваемости. Стал осторожен, скрытен и жесток. Ему мерещилось, что все стараются обмануть и провести его.

Пир проходил на втором этаже Владычной башни, названной так потому, что деньги на нее дал епископ Арсений. Стены залы украшали оружие, щиты и доспехи, как литовские, так и трофейные: орденские, русские, польские, татарские. Василия усадили недалеко от хозяина замка. Рассматривая собравшихся за столом приближенных, княжич неожиданно узрел среди прочих свое «привидение», но на сей раз в темно-зеленом платье, вытканном желтыми узорами. От ее вида сердце княжича затрепетало и стало трудно дышать. Рядом с ней сидела княгиня Анна Святославовна, жена Витовта.

Наконец, Василий, указав на незнакомку, спросил у услужливого ласкового холопа, подносившего крепкое забористое пиво: – Кто такая?

– Княжна Софья Витовтовна, – понизив голос, молвил тот с поклоном.

Его слова отдались в душе княжича сладким перезвоном, словно кто-то опять потрянул невидимый серебряный бубенчик: «Со-фья, Со-фья». Динь-динь-динь...

«Хороша!» – подумал, украдкой разглядывая дочь Витовта: пухлые губы, светлые пшеничные волосы, заплетенные в толстую косу, и правильный овал лица. Один только недостаток – прямой длинный нос мог не всем прийтись по вкусу, однако княжичу он казался в самый раз, более того – восхитительным.

Заметив его взгляд, Софья заговорщицки подмигнула ему – или это только показалось? – опустила глаза и выплыла из залы. Неодолимый соблазн охватил Василия. Залпом осушил кубок и последовал за ней какой-то нервной подпрыгивающей походкой, словно щенок, бегущий за матерью-сукой. Думал, что никто не обратил на него внимания, но ошибся: некоторые сидящие за столом проследили за ним взглядом и понимающе опустили глаза.

На узкой винтовой лестнице удобной для защиты башни от противника, а не о для любовных свиданий, Василий догнал княжну и бесцеремонно схватил за руку:

– Постой...

– Ну что тебе еще, изверг?

Не ответил, развернул ее к себе за плечи и неумело, по-мальчишески впился в сочные девичьи губы, будто печать поставил «мое!» Ее рот показался ему слаще клеверного меда, от чего голова пошла кругом и он привалился к стене.

– Ошалел, что ли?! – вытирая широким рукавом платья рот, сказала без злобы, будто ожидала нечто подобного.

– Иди за меня замуж!

– Еще чего?! Полоумный! – ответила, но глаза у нее вспыхнули и засияли странным блеском. Тем не менее, ответила совсем не так, как он втайне ожидал. – Твоя наглость граничит с дерзостью безумца. Да и с какой стати ты мне предлагаешь такое?!

– Все равно добьюсь твоей руки во что бы то ни стало.

– Ну-ну... Посмотрим, хватит ли у тебя настойчивости и смелости для этого или ты лишь со мной так боек, а с батюшкой, думаю, поостережешься чепуху молоть, – молвила Софья, усмехаясь.

– Вот увидишь...

– Ну-ну, – повернулась, ненароком коснувшись уха жера широким рукавом платья, вернулась в залу.

Постоял некоторое время на лестнице, привалившись к стене и постепенно приходя в себя. Василий пока еще не уразумел, что понять женщину иногда еще сложнее, чем самого себя, но непостижимость дочери Витовта уже настораживала. В ушах все громче звенел, заливаясь и заглушая доводы разума, бубенчик: «Со-фья, Со-фья». Динь-динь-динь...

Когда княжич вернулся в залу, там всех потешали скоморохи. Играли на канклесе⁷, а потом медведица танцевала под аккомпанемент гудков. Считалось, что благочестивым людям не пристало забавляться бесовским лицедейством, но праздничная тарабарщина, заквашенная на пиве, кружила головы. Один Витовт, по своему обыкновению, пил родниковую воду, подкрашенную медом под цвет пива, с совершенно бесстрастным лицом душевнобольного, не выражавшим ни чувств, ни страстей, томивших душу.

Вечером, распахнув дверь в княжеские покои, Софья вбежала туда со смехом, чмокнула отца в щеку и сообщила о предложении Василия. Тот уловил кисловатый запах изо рта дочери и поморщился, понимая, что она навеселе.

Что-что, а это ячменное пойло литовцы любили до безумия и пили его до тех пор, пока не валились с ног. Утро некоторые начинали с крика: «Пива, пива!» Знатные люди, имевшие прислугу, не исключая женщин, которые в своем пристрастии к ячменному напитку не уступали сильному полу, требовали принести питье в постель.

Как бы то ни было, но Витовт поинтересовался:

– И как тебе княжич Василий?

Дочь только рукой махнула:

– Дурачок. Совершенный глупышка, но иногда бывает мил в своей мальчишеской наивности...

«Может, то и к лучшему», – подумалось отцу, и легкая судорога пробежала по его лицу.

Жизненный опыт дорого стоит, однако цена, которую за него платят, не превышает выгоды, извлекаемой из сего. Дочь меж тем, помолчав некоторое время, продолжала:

– Не хуже и не лучше остальных. Того же конюха Степки.

– Нашла, кого вспоминать, дура! Хорошо, вовремя донесли на ваши шашни, а то чего доброго на всю жизнь клеймо на себе бы оставила, как на отбракованной, кобыле. «Не годна». Такое ни чем не смоешь.

– Ну, ты уж и скажешь, батюшка! – капризно надула губки дочь.

– Увлечения проходят, а грязный след от недостойной связи остается и долго тянется следом за грешницей. Произошедшее с конюхом, нелепо. Забудь об этом навек.

– Зато целоваться московский княжич не умеет. Степка был мастаком в этом, от его поцелуев, даже дух захватывало, – заметила княжна мимоходом.

– Бесстыдница! Меж тем в княжиче Василии, может статься, твое будущее. Лучше быть умной женой при глупом муже, нежели наоборот... Ныне я только луцкий и гродненский князек, потому такой союзник, как московский государь, мне нужен...

– Ну, разве что, батюшка, – сказала, опустив глаза, Софья, и ей вспомнился ее учитель, пленный орденский рыцарь Марквард фон Зальцбах, который, научив ее считать, но не в силах превозмочь животного наваждения, изнасиловал ее в садовой беседке, несмотря на клятву целомудрия, данную при вступлении в Орден, не преминув по-монашески закрыть глаза. Хитрец! Все их жеребьячье племя такое...

Не то чтобы Софье понравилось, когда в нее входила тугая мужская плоть, но оправившись от случившегося и, приведя себя в порядок, она насупилась и предупредила:

– Не смей никогда повторять этого, Марквард. Я не грязная девка из корчмы, а княжна из рода Гедимины. За следующую подобную попытку тебя разорвут лошадами перед воротами замка по повелению моего батюшки. Я уж о том позабочусь. Не сомневайся!

⁷ Народный инструмент, напоминающий гусли.

Рыцарь ни на минуту не усомнился в том, что она исполнит свою угрозу, ибо таким не шутят. Поклонился и виновато опустил глаза.

Витовту, наблюдавшему за изменением выражения лица дочери, почему-то пришло в голову, что именно такие взбалмошные девки, как Софья, имеют особую власть над сильным полом, и это ему было только на руку.

3

Собравшись с духом, княжич Василий попросил хозяина замка о приеме. Тот не отказал, хотя не слишком верил в то, что услышит от гостя нечто путное. Однако рассудил: «Послушаю, что скажет сей молодец, от меня не убудет, а то Софья навывдумывает Бог знает чего».

Витовт принял Василия в той же самой зале, где давал пир на Крещение Господне, но на сей раз оттуда были вынесены столы и лавки. Он восседал на высоком резном кресле, напоминавшем трон, в желтом шелковом камзоле, застегнутом до самого горла. Из-за пояса у него выглядывала усыпанная самоцветами рукоять кинжала, а на плечи ему был накинут короткий плащ гранатового цвета. С обеих сторон от него стояли татарские телохранители с каменными бесстрастными лицами и раскосыми глазами, в кольчугах, опиравшиеся на древки алебард. Княжич был в сером дорожном кафтане и выглядел довольно невзрачно, но другого костюма он не имел. В его бледном лице не было ни кровинки, а глаза смотрели куда-то в сторону, будто он в чем-то провинился и явился вымаливать прощение.

– Государь, со мной нет бояр, потому вынужден сам хлопотать за себя, – начал Василий с заготовленной заранее фразы, чувствуя, что с трудом преодолевает робость, и вдруг, как с обрыва, бросился: – Я прошу у тебя руки Софьи. Отдай ее за меня, и я до гробовой доски стану почитать тебя, как родного отца.

– Да она же еще ребенок, – слукавил Витовт, хотя кому, как не ему было знать, что в государственных вопросах возраст не помеха.

По церковным канонам замуж выдавали начиная с двенадцати лет, но при необходимости могли и раньше. В большинстве случаев коронованные особы оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Да, что далеко ходить, двоюродный брат Ягайло-Владислав женился на королеве Ядвиге, когда той исполнилось четырнадцать, то есть меньше, чем ныне Софье.

Преодолевая робость, Василий стол на своем. Тогда Витовт привел свой основной довод:

– Говоришь, что намерен жениться, но как это понимать, коли неизвестно мнение твоего батюшки, а без его благословения какое венчание?

Довод выглядел веско, даже убийственно, но Василий на удивление быстро нашелся.

– Но обручиться-то, мы можем...

– Сватаешься без дозволения отца, а коли девку мне опозоришь и не возьмешь за себя то, что мне тогда делать? Ладно, ступай. Позже сообщу тебе свое решение.

Молодой человек поклонился и покинул залу. Отпустив телохранителей-татар, Витовт остался один и призадумался. Человек не способен предвидеть грядущее, задержанное пеленой времени, но он всегда силится сделать это, хотя часто не удачно. «Дать согласие на брак дочери с Василием или искать жениха поближе и попроще? Что мне сулит внезапное появление московского княжича – подарок судьбы или пустые хлопоты?» – мучительно соображал Витовт, не находя ответа на этот вопрос.

Выйдя из замка, Василий стал спускаться к замершей реке. На льду под крепостной стеной девица в шубке довольно долго каталась на костяных коньках. Приглядевшись, узнал ней княжну Софью. Спустившись и подойдя к берегу реки, остановился. Сделав круг, потом еще один, девица остановилась против Василия, лихо затормозив коньком.

«Воистину ведьма!» – мелькнула мысль, но, стряхнув оторопь, похвастался:

– Только что просил у Витовта руки его дочери. Обещал подумать...

– Ну, ты и наглец!

Слово за слово, разговорились. Княжна поинтересовалась, как он умудрился бежать из Орды? Не страшно ли было?

– Мой батюшка отослал меня к Тохтамышу с «выходом». Сопровождающие меня мужи добились того, чтобы ярлык на Владимирский стол остался за Москвой, но хан оставил меня

у себя, как и прочих наследников великих князей: тверского, нижегородского и рязанского. У старшего из нас нижегородского княжича Василия Кирдяпы жена осталась в Суздале, и он попытался бежать к ней, но у брода через Суру встретил татарского посла. Тот спеленал беглеца и вернул в Сарай-Берке. Царь⁸ не на шутку разгневался, и Кирдяпе пришлось за свою борзость принять истому заточения... – поведал Василий.

– Так вы, бедненькие, там без женской ласки мучились? Ой, не верю! Признайся, наложиц вам небось присылали? – озорно прищурилась Софья.

В самом деле, как-то на Пасху, в светлое Христово Воскресение ханский евнух привел к нему юную осетинку, дабы разговелся, но княжич застеснялся. Ему тогда было тринадцать, и он отослал ее обратно...

Уловив неловкость собеседника, княжна расхохоталась и переменяла разговор:

– А почему бежал окружным путем?

– Тохтамыш тогда откочевал к Хвалынскому морю⁹, и мурзы, которых подкармливал батюшка, всё устроили самым лучшим образом. Волжский путь они посчитали наиболее опасным, поскольку по нему в первую очередь и пошлют погоню за беглецом. В конце концов добрался до господаря Молдавии Петра Мушата, а потом оказался в Луцке, и твой батюшка приютил меня. Я ведь изрядно поиздержался в пути, – тут же по лицу княжны понял, что сказал лишнее, и прикусил язык. Он и правда бежал из Молдавии, ибо задолжал людям тамошнего господаря немало и не вернул им ничего. Да и с чего?

Княжна окинула молодого человека холодным презрительным взглядом и съязвила:

– Так ты к нам нищим явился и еще сватаешься... На приданое, что ли, надеешься?

– Дай только на Москву вернуться, будешь у меня в парче да китайских шелках ходить, словно греческая царица...

– Ой ли? Сомневаюсь...

На другой день Витовт призвал к себе молодых людей и, не взглянув на Василия, без обиняков спросил дочь:

– Люб ли тебе московский княжич?

Вместо ответа та опустила глаза и только кивнула. Сделав вид, что уступает дочери, луцкий князь распорядился готовить обручение молодых.

Во дворе замка в рубленой церкви Иоанна Богослова, в которой покоились останки здешних светских и церковных владык, Василий с Софьей обменялись железными перстами и нательными крестами, как то тогда было заведено.

Золотые кольца при обручении тогда не использовались, ибо христиане переняли этот обычай у греков, а там жених с невестой обменивались кольцами в знак верности. Впрочем, в XIV веке этот обряд еще только начал входить в обиход.

Тем не менее, отныне Василий и Софья стали женихом и невестой. Княгиня Анна Святославовна так расчувствовалась, что даже пустила слезу.

⁸ Царями на Руси в ту пору называли византийских императоров и ордынских ханов.

⁹ Так тогда называли Каспийское море.

4

Весть о помолвке дочери Витовта со старшим сыном, а значит, наследником московского престола достигла Кракова и насторожила членов королевского совета. Всегда недоверчивому и подозрительному Ягайло стало мерещиться, что при дворе двоюродного брата зреет заговор или мятеж. Его величество относился к луцкому князю с некоторым недоверием, а ведь когда-то они были закадычными друзьями.

Думая о Витовте, польский король иногда жалел о том, что не расправился с ним в свое время, как с дядей Кейстутом Гедиминовичем в Лидском замке. Но ему вновь вспомнились слова матушки Юлиании Александровны:

– Пока твой двоюродный брат жив, мы в опасности. Помни, что ты не обычный литвин, а великий князь, и обязан не допустить междоусобиц в своей земле, в этом высший долг всякого государя. Лучше умертвить одного безумца, чем погубить сотни безгрешных душ. Рано или поздно твой пленник вырвется на волю и ты заплатишься за свое добросердечие. Гнилой зуб вырывают, как это ни больно. Выполни же свой долг!

Матушка, мудрейшая из женщин, умела виртуозно распутывать сложнейшие политические головоломки и распутывать замысловатые узлы интриг, сочетая в себе византийскую изворотливость, замешанную на дьявольском лукавстве, с татарским нечеловеческим коварством. Если бы она родилась не женщиной а мужчиной, то оставила бы по себе память на столетия и ее вспоминали бы, как величайшего правителя, но увы... Ныне Юлиания Александровна сильно хворала, это тяготило сына, ибо он знал, что конец у всех один и с этим ничего поделать.

О Ягайло его современники имели разные, порой совершенно противоположные мнения. Лукавый хронист Ян Длугош писал, что государь «после своего крещения в католичество и коронации стал человеком большой набожности и великого милосердия для убогих, вдов и сирот». Однако в душе он по-прежнему оставался православным, поскольку был ближе к греческой культуре, впитанной им с молоком матери. В свою очередь, хитрый интриган, ставший впоследствии краковским епископом, Збигнев Олесницкий упрекал своего государя со всем рвением правдолюбца: «Все добрые качества короля заслоняют его недостатки. Целые ночи он пьет и, разморенный пьянством, отсыпается, а святую мессу слушает лишь по вечерам и как-то отстраненно. Костелы и монастыри не выносили его неожиданных наездов до такой степени бывает оскорбленным этим, что чуть ли не половина монахов покидало их...»

Из Великого Литовского княжества доносили, что обстановка там становится все более напряженной, даже угрожающей. Противники Кривской унии сформировали странную, ни на что не похожую коалицию, состоящую из языческих жрецов Жемайтии, Тевтонского ордена Пресвятой девы Марии и православных князей Андрея Ольгердовича Полоцкого с Федором Подольско-Северским.

«Не примкнул бы к ним и Витовт, с него станется...» – с беспокойством размышлял король и на всякий случай послал в Луцк отряд поляков во главе со старостой, а фактическим соправителем Ягайло, сандомирским каштеляном¹⁰ паном Креславом из Курозвенков. Тот обосновался в соседнем с княжеским замком, но большим по размерам кирпично-деревянном Окольном, или Нижнем замке.

При встрече каштелян передал Витовту повеление короля с сего дня прекратить всякие сношения с Орденом, Ордой и Москвой, коли такие имелись, и в дальнейшем о них не помышлял. Это лишь раззадорило князя, но он чего-то выжидал, но чего именно – никто не знал.

¹⁰ Каштелян – второе лицо в воеводстве, ведавшее, как правило, военными делами.

Кроме того, Ягайло поручил своему коморнику¹¹ Прокше, ловкому и смышленому человеку, найти в окружении княжича Василия кого-либо, дабы получать от него сведения о намерениях Москвы.

Сей Прокша родился в семье гончара из Гродно, в детстве сбежал из отчего дома и прибил к одной из воровских ватаг. Однажды люди княжича Ягайло окружили его шайку и всех перевешали, лишь малолетнего тщедушного оборванца пощадили. С тех пор Прокша ни разу не подвел своего нового господина, ставшего вскоре великим литовским князем, а затем польским королем. Прикидываясь то торговцем, то юродивым, то подмастерьем, коморник выполнял самые деликатные и рискованные поручения. Его не брали ни стужа, ни жара, ни кинжал, ни виселица. Посетив ставку Мамай, он договорился о совместном походе на Москву. Дальнейшие переговоры вели бояре и мурзами, но начинал-то их он. Потом Прокша вместе с другими коморниками Ягайло участвовал в убийстве князя Кейстута, сносился с польскими вельможными панами относительно женитьбы Ягайло на королеве Ядвиге и занимался многим прочим, о чем и не упомянуть...

Под видом простолюдина в потрепанном зипуне, в простой серой рубахе и лаптях, опираясь на суковатую клюку, Прокша добрался до Луцка. Стража остановила бродягу, но от него так несло нечистотами, что его быстро пропустили, только бы убрался прочь. Коморник мог явиться в Окольный замок к старосте пану Креславу из Курозвенков и найти у него приют, но привык полагаться только на себя. Это не раз спасало ему жизнь, ибо доверяться кому-либо было слишком рискованно.

Перво-наперво королевский коморник проведал, что наследник московского князя прибыл сюда с неким оруженосцем и черным котом, а посему выбора у него не оставалось. Не кота же вербовать? Кроме того, узнал, что почти все деньги, имевшиеся у княжича, тот спустил при молдавском дворе. Там умели вытрясти у чужака все до последней монеты.

Однажды, скучая в городской корчме, Шишка прихлебывал из глиняной кружки мутную бражку, закусывая ее моченым горохом с солью, что было довольно опрометчиво с его стороны – от этого так проносило, что не приведи Господи. Впрочем, для православного человека смерть во хмелю даже сладка.

По своей натуре рында не принадлежал к пессимистам, и ему все представлялось трын-травой. Не успел Шишка осушить кружку, как к нему подсел простолюдин невысокого роста, тщедушный с лукавым озорным взглядом. Сразу видно – весельчак и балагур. Таких много шаталось по дорогам.

Незнакомец предложил выпить за Спасителя нашего Иисуса Христа. Да почему бы и нет? Слово за слово, разговорились. Сосед, бойкий на язык, рассказал о падеже скота, о лисах, которые повадились резать кур прямо в птичниках, о том, что морозы нынче не так люты, как прошлой зимой, а в деревне Лохвица родился бычок с двумя головами... Рында, в свою очередь, поведал о Царьграде, о морской реке Босфор, о косяках рыб, которые ходят там туда-сюда, о том, как чудом пережил нашествие Тохтамыша, спрятавшись в отхожее место, о Сарае-Берке, из которого бежал с княжичем, и прочем...

Бражка славно дурманила и развязывала язык. Во взгляде нового знакомого нет-нет да и проскальзывало что-то неуловимое, настораживающее, но Шишка этому не придавал значения. Собеседником рынды был не кто иной, как Прокша, назвавшийся Тарасом. В свою очередь, королевский коморник отметил, что рында совсем не так прост, как кажется, и, по-видимому, совсем не простофиля. Не зря же московский государь направил его со своим сыном в Орду.

¹¹ Коморник – одна из категорий населения Белоруссии, Украины, Литвы и Польши. Коморники не имели ни земли, ни двора и занимались на службу или работу за деньги.

За беседой осушили еще по кружке и выбрались из духоты корчмы на двор по естественной надобности. Опоражнивая мочевой пузырь в отхожем месте, простолюдин, осмотревшись и поняв, что поблизости никого нет, понизил голос и спросил:

– Ты ведь оруженосец московского княжича?

– Ну, и что с того? – ответил Шишка, помотав головой из стороны в сторону.

Смутная тревога овладела им, но лишь на миг, ибо думать о чем-то серьезном не хотелось. Все катилось в тартарары. Неожиданно новый знакомец предложил продать ему сведения о княжиче Василии. Сперва Шишка посчитал, что ослышался, и уставился на Тараса тупым непонимающим взглядом.

Крестьянское дело – возделывать землю и ходить за скотиной, а не выведывать намерения чужого княжича. К тому же откуда у простолюдина для этого средства? У мужиков, кроме меди, отродясь ничего не водилось...

– В уме ли ты, Тарас? Перепил, что ли? – не веря своим ушам, удивился Шишка.

– Один человек обещал мне хорошо заплатить за сведения о твоём княжиче. Соглашайся, а деньги поделим по-братски. Они нам не повредят... – многозначительно ответил коморник.

– Гони задаток, и я поделюсь с тобой тем, что знаю... – после некоторого молчания неожиданно для самого себя кивнул Шишка.

Новый знакомец достал кожаный кошель и отсчитал прямо у отхожего места три серебряные марки с гербом города Аугсбурга. Целое состояние! На одну такую монету можно было купить до двухсот пудов пшеницы – в зависимости от урожая и цены в том году.

– Скажи-ка мне, мил человек, давал ли Дмитрий Иванович Московский согласие на брак своего наследника с Софьей Витовтовной?

– Он почитай уж с год не получал вестей от своего отца, – мотнул головой рында и обратил внимание на кисти рук Тараса.

«Да, это какой-то ряженный... Впрочем, мне-то что до того?» – подумалось Шишке.

Коморник в свою очередь размышлял о своем: «Значит, Витовт с московским князем не сносился заранее, и они не договаривались ни о чем, а посему судьба Василия и Софьи еще не определена...» Вспомнилось, как несколько лет назад Киприан пытался сосватать Ягайло одну из дочерей Дмитрия Ивановича, но безуспешно...

– Попытайся проведать о ближайших намерениях княжича. Через неделю встретимся здесь же после обедни, – сказал мнимый Тарас на прощание.

Шишка в знак согласия только кивнул. Все, что предполагалось сделать, получилось, и Прокша покинул корчму, размышляя о том, что рында скорее всего мастер для особых поручений, не зря же его с Василием послали в Орду, а посему следует вести себя с ним поосторожней.

Вернувшись в луцкий замок, Шишка поведал княжичу обо всем и выложил перед ним монеты, которые являлись подтверждением его слов.

– Как нельзя более кстати, – обрадовался Василий, готовый доносить сам на себя, лишь бы платили.

– Что говорить-то в следующий раз? – спросил растерянный Шишка.

– Ври, что хочешь...

Вторая встреча в корчме, однако, не состоялась. Получив на дорогу еще десять рублей от Витовта, Василий простился с зеленоглазой чаровницей-невестой и в сопровождении двух вооруженных слуг, отряженных ему для охраны, выехал из Любардовых ворот.

Не дождавшись Шишки, Прокша еще более уверился в том, что его собеседник не простой оруженосец, а доверенное лицо московского князя. Однако кое-что о Василии он все же проведал, так что поездка удалась...

5

На Руси враждовали двое митрополитов: Пимен, носивший сан Киевского и Великой Руси, сидевший в Москве, и Киприан, святитель Малой Руси и Литвы, имевший свою резиденцию в Киеве. Все было шиворот-навыворот, как здесь часто случалось, но с этим уж ничего не поделать. Тяжба между этими архиереями продолжалась почти десятилетие. Обе стороны жаловались друг на друга в Константинополь, но пока церковными вопросами во вселенской патриархии ведал Нил¹², а в Москве сидел великий князь Дмитрий Иванович, решение вопроса не сдвигалась с места. На Руси, впрочем, имелся и третий – святитель Галицкий Антоний, часть епархии которого находилась под властью Польши, а другая – под Венгрией, но он благоразумно не вступал в соседские дела, радуясь, что Киприану и Пимену не до него.

Несколько лет назад вселенский патриарх поставил митрополитом Киевским и всея Руси архиепископа Дионисия Суздальского, отвергнув Пимена с Киприаном. Возвращаясь из Царьграда, тот дерзнул посетить мать городов русских – Киев. Тамашний князь Владимир Ольгерович, узнав о том, вверг проезжего гостя в темницу, которая по существу была погребом с крепкой дубовой дверью. Через полтора года, почти ослепший и удрученный своим положением, узник почил. При жизни его здесь не признавали, но после смерти погребли со всеми причитающимися его сану почестями в Киево-Печерской лавре в «пещере великого Антония», писал летописец XV века¹³. Впрочем, на Святой Руси любили лишь покойников, до здравствующих там и дела не было.

Ходила молва о том, что киевский князь обвинил покойного Дионисия в том, что тот принял святительский сан без его дозволения, что не соответствовало церковной практике. Да, усопший не имел разрешения на то от удельного киевского князя, но этого и не требовалось. Разгадка смерти Дионисия Суздальского крылась в том, что король Ягайло не желал признавать архипастырем Литвы никого другого, кроме Киприана, к которому благоволил. После смерти Дионисия Суздальского митрополиты Пимен и Киприан остались при своих паствах, и их никто не тревожил.

В феврале вселенский святитель Нил почил, а новый Антоний, заочно рассмотрев тяжбу Киприана, низложил Пимена, тем самым объединив две русские церкви. Когда весть об этом докатилась до Москвы, снятый со своего поста архиерей вознамерился искать справедливости в патриархии, ибо племя правдолюбцев неискоренимо.

Великий князь Дмитрий Иванович попытался отговорить святителя от такой затеи, полагая поездку в Царьград пустой тратой времени и средств.

– Здесь тебя никакой Киприан не тронет, ибо сунуться в мои пределы не посмеет, – убеждал его государь.

– Престол священства утвержден на небесах по воскрешению нашего Господа и Спасителя, а потому церковные заботы тебя, как светского правителя, не касаются.

– Ну-ну... Коли бы я не призвал тебя на митрополию, так ты, возможно, и остался бы гнить в захолустной Чухломе.

– В которую ты меня и засадил...

– Значит, причины для того имелись.

Слово за слово, и повздорили. В конце концов великий князь сменил гнев на милость, ибо Киприана не терпел, поскольку тот при нашествии Тохтамыша, покинув Москву, укрылся в Твери у недоброжелателя Дмитрия Ивановича. По совести говоря, Пимен тоже не рассчитывал на успех своей поездки в Царьград, но все же собрался туда.

¹² Нил – патриарх Константинополя (1379-1388).

¹³ Впоследствии в результате неоднократных татарских набегов мощи Дионисия оказались утрачены.

Энергичный и деятельный, он всю жизнь доказывал свое превосходство над остальными. Крупных грехов за ним не водилось, если не считать гордыни и плотского чревоугодия, которые невозможно перебороть или скрыть. Да и как утаить высокомерный взгляд с надменной ухмылкой, презрительно оттопыренную нижнюю губу и тучную дородную фигуру?

Когда Дмитрий Иванович отправился на богомолье к Троице, где ждал его Сергей, митрополит покинул Москву, взяв с собой Смоленского епископа Михаила, Спасского архимандрита Сергия и прочих духовных лиц. Из Коломны по Оке дошли до Перевитска¹⁴. Там их встречал владыка Еремей. Вытащив ладьи из воды, как некогда сделал Вещий Олег у Царьграда, и установив их на колеса, двинулись к Переяславу-Рязанскому. Великий князь Олег Иванович с сыновьями Федором и Родославом, встретив гостей, отстояли с ним молебен. Далее Пимен под охраной коренастого и крепкого, как боровик, боярина Станислава с княжескими дружинниками добрался до верховьев Дона. Спустив ладьи на воду, пошли вниз по течению. В урочище Кир-Михаилово рязанцы простились с митрополитом, ибо далее начиналось страшное Дикое поле.

Пустынные и безлюдные берега реки поражали путников своей первозданной дикостью. Здесь не встречалось ни городов, ни селений, зато нередко видели оленей, коз, медведей и других диких зверей. Эта часть пути показалась всем наиболее печальной и унылой. Ночевали, не приставая к берегу, кинув с бортов веревки с камнями, заменявшими якоря и выставив дозоры, ибо по обоим берегам реки простирались разбойничьи угодья, а рисковать жизнью не хотелось.

Находясь у Троицы, великий князь поделился с Сергием Радонежским намерением Пимена отправиться в Царьград, и тот при okazji сообщил о том Киприану. Маховик дипломатического единоборства набирал обороты.

Когда в Москве Дмитрию Ивановичу сообщили об отъезде Пимена, он опечалился.

– Безумец, сам обрек себя на бессмысленные душевные муки, – промолвил он опустив голову. Прежде митрополит всегда выглядел сговорчивым, но то не касалось церковных дел. На сей раз он оказался у той черты, за которую переступить не мог.

Московское посольство миновало развалины древнего Серкела¹⁵. За ними Пимен впервые увидел татар «много весьма, как песок». Еще через несколько дней путники достигли Таны (иначе Асака), итальянской колонии при впадении Дона в Азовское море, являвшуюся одним из ключевых центров торговли с Востоком.

Наняли большой морской корабль и велели перегрузить на него посольское добро с речных ладей. Тут Пимен допустил промашку, упустив из виду, что его здесь могут поджидать кредиторы, которым он при своем проставлении в сан митрополита немало задолжал. В Москве к нему несколько раз обращались представители итальянских купеческих корпораций с напоминанием о долгах, но он не желал и слышать о том. Тана – другое дело, здесь он никто, ибо город жил по законам итальянских городов-коммун.

В полночь кавалерий¹⁶ колонии со стражей на баркасе подошел к кораблю, стоящему неподалеку от берега, взобрался на палубу и велел своим людям скрутить полусонного вахтенного; ему задали несколько вопросов, и он показал им каюту Пимена. На должника надели оковы и, отвезя его на берег, ввергли в долговую тюрьму, представлявшую собой яму с навесом от дождя. Это, разумеется, унижало достоинство архипастыря Великой Руси, тем более что с ним в яме обитало еще двое отъявленных негодяев, в чем Пимен не сомневался. По их взглядам и ухмылкам он понял, что они ждут только темноты, чтобы разделаться с ним и завладеть его платьем.

¹⁴ Город-крепость на высоком берегу Оки на пути из Коломны в Переяславль-Рязанский.

¹⁵ Серкел – хазарская, позже русская крепость на левом берегу Дона. В XII веке разрушена половцами.

¹⁶ Кавалерий – начальник полиции в итальянских колониях.

Пимен потребовал встречи со своими кредиторами. Явился один из генуэзских купцов в дорогом лиловом кафтане, осторожно нагнулся над краем ямы, чтобы не испачкаться, и спросил:

- Будешь платить или желаешь сгнить здесь?
- Буду! Буду, но всей суммы при мне нет...
- Это плохо, – нахмурился купец.
- Как бы то ни было, но все-таки выслушай меня...

Архиерей убедил купца, что в неволе от него проку не будет, а вернув себе свободу, он выплатит все. Получив все мыслимые и немыслимые гарантии, купец освободил митрополита. Корабль вышел в море, но посольство на борту сопровождали двое кредиторов-генуэзцев с вооруженными слугами.

Дул борей¹⁷, но за Керченским проливом в Великом море (так итальянцы называли Черное море) его сменил сильный юго-восточный ветер сирокко, который все более крепчал. Моряки не любили это ветрило, поскольку оно пустило на дно немало кораблей. Завидев маячную башню на мысе Ильи капитан посчитал за лучшее укрыться в гавани Кафы.

В ту же пору в Царьград направлялся и архиепископ Ростовский Феодор Симоновский, дабы по мере сил и возможности содействовать Киприану в его тяжбе с Пименом. В Кафе обе стороны неожиданно столкнулись на русском подворье, но не устраивать же при латинянах рукопашную. Сделав вид, что не узнали друг друга, разошлись.

Не трата времени попусту, Пимен склонил своих кредиторов подговорить консула Кафы на арест Феодора. Итальянцы недолюбливали схизматиков, но не желали вступать в их свару, однако уступили своим соотечественникам.

За ростовским архиепископом захлопнулась тюремная дверь замка консула, где находилось механическое пыточное устройство, внушавшее ужас горожанам. Говорили, что человек, встретившейся с этой машиной, не может прийти в себя до конца своей жизни и даже выпущенный на волю остается безумцем. Секреты ее устройства нам неизвестны. Механики той эпохи имели дар творить настоящие чудеса при конструировании таких устройств, но секреты их мастерства не известны.

Через несколько дней погода изменилась, корабль с Пименом взял курс на Синоп, а Феодор остался в заточении.

¹⁷ Борей – северо-восточный ветер.

6

В соседнем Суздальско-Нижегородском великом княжестве со столицей в Нижнем Новгороде, который стоял на слиянии Оки с Волгой на так называемых Дятловых горах, правили потомки Константина Васильевича¹⁸. Выгодное положение города определялось его положением, поскольку торговля Востока с Западом шла через него. С некоторыми оговорками Нижний можно было сравнить с купеческими республиками Средиземноморья: Венецией, Генуей и Пизой. Таможенные пошлины здесь приносили ежегодно столько, сколько Москва получала за несколько лет. Суздальско-нижегородская земля неуклонно расширялась за счет малонаселенных восточных территорий и притока населения из других краев Руси. Переселявшимся туда предоставлялось право самим выбирать себе пустоши для обустройства и на несколько лет они освобождались от податей.

В соответствии с древним лествичным правом¹⁹ и согласно ярлыку Тохтамыша в Нижнем правил пятидесятилетний Борис Константинович, честолюбивый, вспыльчивый и несколько легкомысленный правитель, имевший характер скорее добродушный, чем злобный.

Его племянники Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевичи вместе с другими представителями своего рода делили меж собой Суздаль, который все более приходил в упадок. В конце концов родственники замыслили отнять у дяди Нижний Новгород, посчитав, что с того и Городца хватит! Что тут преобладало – зависть, глупость, жадность или стремление к справедливости, неизвестно, но сил для захвата столицы княжества не хватало. Запросили подмогу у Москвы, не вполне сознавая последствия сего шага. Люди редко предугадывают свое будущее, чаще действуют интуитивно, наобум.

Дмитриевичи, родные братья великой владимирской и московской княгини Евдокии Дмитриевны, уговорили сестру похлопотать за них перед мужем, и та согласилась.

– Помоги Христа ради, поспособствуй несчастным мальчикам... – просила она Дмитрия Ивановича, несмотря на то что старшему «мальчику» стукнуло сорок и он был старше московского государя, а другому перевалило за тридцать, то есть вполне зрелые мужи по меркам той эпохи.

– Отчего же они несчастны? – не мог взять в толк московский государь.

– Кирдяпа в Орде томился несколько лет, а ведь у него семья... Как такого не пожалеть? Не сомневайся, он отблагодарит тебя, ему бы только в Нижнем сесть...

– Как и чем? – не мог взять в толк великий князь, но, поразмыслив, посчитал, что за помощь все-таки что-нибудь получит. Курочка по зернышку клюет...

Дмитрий Иванович мало считался с законами и традициями, когда это представлялось ему выгодным, и обещал Дмитриевичам три тысячи воинов.

Минули времена, когда сходились рати в десятки тысяч воинов. Оскудела Русь-матушка, обезлюдела после эпидемий чумы, Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша. Города и села лежали в запустении, и князья заманивали к себе народ всевозможными льготами. Земля без крестьянской сохи не приносила дохода.

Собиравшиеся в поход, как водится, пьянствовали. Люди, идущие на смерть, имели право на поблажку. Им многое дозволялось по христианскому человеколюбию. Вернется ли ратник целым или калекой, никто не ведал, а перед смертью все равны: седоусые витязи и безбородые юнцы.

¹⁸ Константин Васильевич – сын племянника Александра Невского. В 1341 г. хан Узбек даровал ему низовые города: Нижний, Городец и Унжу. В 1350 г. он перенес свою столицу из Суздаля в Нижний Новгород.

¹⁹ Русское лествичное право предусматривало переход престола не от отца к сыну, а в первую очередь от старшего брата к младшему.

Соединившись с москвичами, Дмитриевичи попытались с ходу взять Нижний Новгород, но стража перед самым их носом опустила тяжелую кованую герсу²⁰ и подняли мост через ров.

Город с двух сторон защищали реки, имевшие высокие обрывистые берега, а с третьей – глубокий овраг. Полной блокады не получилось – суздальцы не имели боевых ладей и путь по Волге и Оке оставался свободен, а значит, подвоз продовольствия не прекращался. Не принимая активных военных действий, суздальско-московская рать разбила у города лагерь. Ни одна из противоборствующих сторон не хотела сходить в кровавой сече. Выжидали.

«Не понимаю Дмитрия! Его зятя помогли Тохтамышу взять Москву, поклявшись, что татары никого не тронут, но когда горожане вышли из ворот, те учинили резню, а уж скольких увели в полон – не счесть! Русский невольник на базарах Орды продавался по цене барана... Без Евдокии здесь всяко не обошлось. Правду говорят, ночная кукушка дневную перекукует...» – размышлял Борис Константинович Нижегородский, рассматривая с башни стан противника: разноцветные шатры племянников и московских воевод в окружении шалашей и палаток простых ратников, за которыми на лугу паслись кони под присмотром челяди.

Сил Борис Константинович имел меньше, чем противник, и выходить в поле поостерегся, к тому же старший боярин – друг детства Василий Румянец склонял его уступить, не вынося сор из избы. В душе боярин ненавидел своего государя и благодетеля, но скрывал это. Когда-то в молодости, будучи еще княжичем, тот отобрал у него дворянскую дочь, с которой боярин намеревался обвенчаться, Борис Константинович обрюхатил и бросил ее, а сам взял за себя сестру Ягайло. Впрочем, Румянец не лукавил, говоря:

– Да, сие не по закону и не по совести, но по силе, а у нее есть своя правда... Христианская кровушка, чай, не водица, а вы всё же родственники как-никак! Мочиться против ветра глупо. Покорись судьбе, не бери грех на душу. В Городце ведь сидел прежде, и ничего...

На восьмой день осады, печалась и скорбя, Борис Константинович отрядил Василия Румянца парламентаром к осаждавшим договориться о передаче города и велел домочадцам собирать скарб.

По звуку колокола со звонницы Преображенского собора распахнулись двое городских ворот. Через западные Нижний покидал дядя, а через восточные в него входили племянники. Отъехав от стен на полет стрелы, Борис Константинович обернулся, будто что-то забыл, и прокричал:

– Милые мои родственнички, пророчу вам слезы горькие, которыми вы умоетесь. У Москвы на вас за пазухой уже заготовлен камешек. Дайте только срок! Я и проклинать вас не стану, вы сами обрekli себя на гибель!

– Скатертью дорожка, катись в свой Городец, пока бока не намяли, а то умный шибко! – раздалось в ответ, и Василий Кирдяпа звонко, по-волжски, свистнул так, что в ушах засвербело.

Борьба за Нижний Новгород приостановилась, но не надолго, ей надлежало дойти до своего естественного конца.

²⁰ Герса – подъемная железная решетка.

7

Не будем утомлять читателя описанием дороги из Луцка в Москву, заметим только, что все прошло без происшествий. За два с лишним года отсутствия Василия столица княжества отстроилась и следов сожжения ее Тохтамышем почти не осталось. Княжича ждали с тех пор, как сюда докатилось известие о его бегстве. Однако он слишком долго не объявлялся, и мать с отцом были обеспокоены этим.

По случаю возвращения наследника батюшка Дмитрий Иванович закатил пир. За столом на серьезные темы не говорили. Считалось, что сперва «напой, накорми, спать уложи, а потом уж расспрашивай». Наутро Василий дал великому князю полный отчет о своем житье-бытье в Сарай-Берке и бегстве оттуда. Дмитрий Иванович только кивал и улыбался, довольный ловкостью сына, но любопытствовал в конце рассказа:

– Почему так долго возвращался, ведь не вокруг света же ехал?

Принято считать, что в средневековье полагали, будто земля плоская и стоит на трех китах, слонах или черепахах, но это не верно. То, что она круглая, знали еще древние египтяне, а уж авторитет латинской церкви Аристотель и подавно. Впрочем, некоторые полагают, что земля плоска, как стол, до сих пор...

Василий поведал о своей задержке в Луцке из-за безденежья и обручении с дочерью Витовта. Последнее оказалось для великого владимирского князя неприятной неожиданностью. Лицо его потемнело и скривилось, будто он укусил кислое яблоко-дичок.

– Воистину в одуревшем, свихнувшемся мире проще уступить своим страстям и своей глупости, нежели здравому смыслу, а жаль... Честь смолоду береги, – посоветовал сыну Дмитрий Иванович, встал и принялся прохаживаться по горнице.

– Что? – не понял Василий.

– Зачем тебе эта литовка?! Ее соплеменники язычники, хотя теперь вроде и крестились, но только для виду, а бабы их похотливы, будто дворовые суки. Муж меж тем всегда разделяет бесчестье той, с кем связан узами брака. На кой ляд она тебе сдалась? Когда я отправился на битву с безбожным Мамаем, мать железные вериги²¹ на себя возложила и до моего возвращения их носила. Сам снял, вернувшись. Думаешь, литовка станет за тебя молиться? Сомневаюсь...

Василий насупился. Не видать ему, видно, своей зеленоглазой Софьи как своих ушей. Не допустит батюшка этой женитьбы, но спорить с ним не решился, а лишь глянул исподлобья и тихо молвил:

– Люба она мне, и другой жены не желаю...

Воистину, дети плохо понимают своих отцов, они им кажутся несколько странными и отставшими от жизни, хотя все в ней менялось очень медленно.

– Тебе, кобелю, любая коза красавицей кажется. Воистину, первый блин комом, а первый сын – непутевый! – со злостью заметил князь, потер виски, чтобы успокоиться, и покинул горницу, оставив Василия в недоумении.

Больше Дмитрий Иванович с сыном о его свадьбе не заговаривал и государственными делами его не обременял, хотя следовало бы, все-таки наследник. В последние годы великий князь и себя не утруждал заботами, перепоручив хлопоты о княжестве своим советникам. Недаром ту эпоху называли «золотым веком боярства».

В первый же день по прибытии в Москву ноги сами понесли Шишку на место, где прежде стоял двор его приятеля и покровителя Симеона, у которого он жил до нашествия Тохтамыша.

²¹ Вериги – разного рода железные цепи, кольца, носившиеся аскетами на голом теле для умирения плоти.

К своему удивлению рында, узрел там новое строение за бревенчатой оградой. Подумал было, что кто-то прикупил бесхозную землю. Постучался, но ему открыл сам Симеон.

Пока Шишка находился в Сарай-Берке, его приятель, попал в полон к ордынцам, чудесным образом обрел свободу, а по возвращении в Москву встретил свою давно обожаемую Катюшу, женился на ней, а потом завел детей... Первенец темноглазый, удалой, шустрый, остальные синеглазые, совсем еще младенцы...

– Тохтамыш все спалил, откуда же у тебя взялись деньги на новый дом? – удивился, придя в себя, Шишка.

– Ты, право, словно младенец. Любой торговец часть своих средств всегда таит в земле на черный день, ибо надежней места нет. Вернулся, откопал спрятанное серебро и отстроился...

Симеон предложил Шишке стать его компаньоном. Тот явился к княжичу и попросил отпустить его.

Василия очень удивило, даже озадачило желание Шишки стать компаньоном некоего торгового человека и покинуть его. Княжич самонадеянно полагал, что рында счастлив, служа у него, и вдруг такая просьба.

О том, чтобы его покинул Шишка, Василий и слышать не хотел, а потому только замахал руками:

– Нет, уж не оставляй меня. Да и за Веней кто ходить будет? Он только тебя слушается.

– Никого он не слушается. Да котам пастухи и не нужны, – буркнул рында, но тем не менее остался при княжиче.

На некоторое время жизнь в Москве закрутила княжича. Позабыл даже о своей зеленоглазой суженой. Девочек при дворе хватало, все пригожи и ласковы с наследником престола, но мать княгиня Евдокия Дмитриевна не одобряла распущенности сына, называя их похотью и непотребством. Однако забав у Василия хватало, закрутился в раздольной, хлебосольной Москве. Все зазывали его к себе, расспрашивали о том о сем, ловя каждое слово, приглашали на охоты, к скоморохам, на пиры... День за днем проходили в утомительном праздном веселье. «Неужто так и жизнь пролетит?» – думал иногда он.

К нему относились совсем иначе, чем прежде. Он уже не отрок, а наследник престола, будущий великий князь. Вон Андрей Иванович Одинец, сопровождавший его в Орду и позволявший себе прикрикнуть на мальчишку, теперь заискивает и лебезит перед ним...

Иногда, вспоминая Софью, княжич жаловался Шишке:

– Видно, женит меня батюшка на другой, но я же слово давал...

– Подожди, утро вечера мудреней, а твое обещание ничего не стоит... Ты разве этого не понимаешь? – утешал рында.

Нежданно-негаданно, когда начали распускаться листья на деревьях, великий князь Дмитрий Иванович занемог. Болезнь была не понятна лекарям, а потому не излечима. С каждым днем он все более слабел и наконец перестал вставать с постели.

Человек, словно некая странная планета, несется во времени и пространстве неведомо куда и зачем. По пути ему встречаются загадочные туманности и странные галактики. Так продолжается до тех пор, пока он не сгорит при встрече с очередной звездой. Зачем и почему происходит это таинственное движение небесных светил – неведомо... Тем не менее, все вокруг летит в неизвестность, в распаханную пугающую бездну, которой нет конца. Маршрут всякого извилист и загадочен. Да сжались верховные силы и простят грехи вольные и невольные. Впрочем, погружение в себя тоже бывает очень опасно. Очень...

В конце концов Дмитрий Иванович позвал к себе наследника. День выдался пасмурный, и в горнице стоял полумрак, а воздух был тяжел и сперт. Батюшка повернул голову и велел:

– Подойди ко мне ближе...

Княжич исполнил просьбу отца, тот взял его за руку и чуть слышно молвил:

– Ты не знаешь, как не хочется умирать, но придется, мой час близится... Юрий более тебя пригоден восседать на московском столе, но по наследственному праву тебе достанется сей тяжкий крест. Сдюжишь ли только?

– Что ты, батюшка? Ты еще долго проживешь...

– Не говори глупостей. Каждый чувствует свой конец. Даже собака забивается в темное, укромное место, перед тем как испустить дух. Не говори глупостей, – оборвал его отец.

Приближение смерти, может стать, страшнее ее самой. Что-то внутри неподвижного, но еще живого тела свершается за чем-то. От этого рождается тягостное, гнетущее чувство бессилия...

Окончив свои сбивчивые наставления, Дмитрий Иванович позвал жену и остальных. За ними в опочивальню ступили ближние бояре и игумены Сергей с Севастьяном в черных рясах с серебряными крестами на цепях, чтобы заверить духовную.

Свое прежнее завещание великий князь написал восемнадцать лет назад перед первой поездкой за ярлыком на великое Владимирское княжение, не зная, вернется ли. Теперь составить окончательную духовную выпало дяку Внуку.

Последняя воля государя начиналась словами: «Во имя Отца, и Сына, и святого Духа, я грешный раб Божий Дмитрий Иванович, пишу сею духовную грамоту в здравом уме...» Далее он благословил старшего сына Василия великим Владимирским столом как своей вотчиной – наследственным владением. На сей раз он уже не вымаливал ярлык в Орде.

Москву он прямо завещал всем четырем своим сыновьям в совместное владение. Старшему Василию – Кремль и Коломну, второму сыну, Юрию, – Звенигород, третьему, Андрею, – Можайск, четвертому, Петру, – Дмитров, а младшенькому, коли родится мальчик (княгиня была на сносях), удел великий князь должен был выделить позже.

Духовную скрепили серебряной с позолотой печатью, и на этом государственная деятельность великого князя Дмитрия Ивановича завершилась.

Через несколько дней Евдокия Дмитриевна разрешилась дитем мужеского полу, которого нарекла Константином. Младенца показали отцу, но тот пребывал в беспамятстве и вряд ли что-нибудь уразумел, а на следующий день, в среду, 19 мая 1389 года от рождества Господа нашего и Спасителя, великий князь преставился. Завершилась его недолгая и непростая жизнь.

Великая княгиня, не подпуская никого к телу супруга, обмыла его освященной водой и велела отнести в церковь архангела Михаила, где находились могилы прадеда, деда, дяди и отца усопшего.

Митрополит Великой Руси Пимен находился тогда в отъезде, потому похоронами, как старший по церковному званию, распоряжался митрополит Трапезундский Феогност, гостивший в Москве²². При отпевании присутствовали епископы Звенигородский Даниил и Сарайский Сава, игумены Сергей Радонежский с Севастьяном и прочие. Дмитрия Ивановича погребли с псалмами, молитвами, надгробными песнопениями, как то и положено. Когда меж живыми и мертвым легла вечная земля, братья-княжичи, бояре, чиновный и простой люд целовали крест новому государю Василию Дмитриевичу. Во Франции в таких случаях восклицали: «Король умер! Да здравствует король!» – но Москва не Париж...

Василий Дмитриевич меж тем не был убежден в законности своего поставления на великий Владимирский стол и отправил в Орду бояр, дабы ханский ярлык²³ придал законность его власти.

²² Проще говоря, собирал подношения, так называемую милостыню. За этим в средневековье на Русь часто ездили многие греческие архиереи.

²³ Специальная грамота, выдаваемая ханом, на право правления.

8

Пограничные заставы Тимура Гурагана и Тохтамыша стояли друг против друга вдоль Сырдарьи, не предпринимая решительных действий. Внезапно воины великого эмира переправились через реку, напав на ордынскую стражу, а потом преследовали ее до Белака²⁴, но вскоре расположение небесных светил изменилось. В завоеванном Железным Хромцом Хорасане началось восстание, которое заставило его повернуть вспять. Судьба единоборства двух повелителей должна была определиться позже.

Бескрайние степные просторы заставляли великого эмира относиться к будущему походу более чем серьезно и откладывать его на неопределенное время, ибо неизбежность столкновения предопределялась геополитической необходимостью и от исхода его зависело очень многое.

Формальный повод для вражды тоже имелся: Тимур Гураган в «великую замятню» захватил Хорезм, называемый «среднеазиатским Египтом», который Чингисхан даровал потомкам Джучи, а значит, и их наследнику Тохтамышу. Будущие противники втайне готовились к схватке, но пока обменивались посольствами, которым ни одна из сторон не верила. Недаром на Востоке предостерегают: опасайся халвы, смешанной с ядом, и мухи, сидевшей на дохлой змее.

Хан сносился с вождями своих многочисленных племен, которые представляли собой пестрый конгломерат религий и культур, состоящий из кочевников-скотоводов, оседлых земледельцев, племен оленеводов и ремесленно-торговых городов.

Как подданные зависят от государя, так и тот – от них. Прежде всего Тохтамышу требовалось вселить в людей уверенность в победе, что от топота сотен тысяч коней закачаются и падут минареты «Жемчужины Востока» – Самарканда, где он некогда укрывался от Урус-хана. Тогда великий эмир принял Тохтамыша, как сына, но ныне, став ханом улуса Джучи, бывший беглец посчитал своего прежнего покровителя выскочкой, ибо тот происходил из монгольского рода Барлас, однако не принадлежал к ханскому роду, а значит, не мог претендовать на трон. Чтобы соблюсти видимость законности, Тимур Гураган держал при себе потомков Джэгатая²⁵: хана Суюргатмыш²⁶, а затем его сына Султана-Махмеда. Номинально улусом правил тот, но ни для кого не являлось секретом, в чьих руках находилась власть.

Узнав о смерти Дмитрия Ивановича Московского, Борис Константинович поспешил в Сарай-Берке, но не нашел там Тохтамыша. Тот находился у впадения Яика в Хвалынское море. Охрана хана сперва приняла русских за неприятеля, но быстро убедилась в своей ошибке.

Тохтамыш предложил гостю присоединиться к нему. От таких предложений не отказываются, но, кроме сотни всадников для охраны князя, никого с ним не имелось.

Хан постоянно менял место своих стоянок, то останавливаясь у рек на заливных лугах, где вдоволь сочной травы, то выбирая холмистые возвышенности. Для монгола, не привыкшего долго оставаться на одном месте и видеть один и тот же ландшафт, тягостно. Горячая кровь кочевников не дает им покоя, и они ничего не могут с собой поделать.

Хану не пристало скитаться по степи, будто безродному бродяге или голодному степному волку. Все, что он хочет, ему доставят, куда только пожелает, но зов крови требовал вновь и вновь пускаться в путь. В голове билось одно шальное желание: вскочить в седло и скакать, не разбирая дороги, горяча коня плетью и не ведая, зачем и куда... Цель – ничто, движение – все, пусть только развеивается грива скакуна и вольный ветер свистит в ушах. Говорят, что

²⁴ Ныне Белак – село в Северо-Казахстанской области Казахстана.

²⁵ Второй из сыновей Чингисхана и Бортэ.

²⁶ С 1370-го по 1388 г.

один старый ослепший акын заставлял своих слуг скакать вокруг своей юрты, чтобы только слышать цокот копыт.

Кочевники вечно в движении – в поиске пастбищ, воды, охотничьих угодий, их сопровождают кибитки с женщинами, детьми, утварью, а следом за ними гонят табуны коней и отары овец, за которыми невозмутимо вышагивают верблюды с поклажей, поплеывая на весь белый свет.

На рубеже улусов Джучи и Джагатай удалыцы нередко мерялись силой и меткостью в стрельбе из лука. Численность воинов с обеих сторон долго оставалась примерно одинаковой, как и защитное вооружение. Все зависело от желания победить, ума, воли, крепости нервов и хитрости, а более всего от удачи, которая превыше всего.

С уходом Тимура Гурагана в Хорасан напряжение на границе спало, Тохтамыш отпустил Бориса Константиновича в Сарай-Берке. Вскоре туда прибыл и улыбчивый боярин Даниил Феофанович с дарами и нижайшей просьбой прислать в Москву ярлык на Владимирский стол.

От сотворения мира деньги нужны всем, и сила их неодолима, не зря за них Иуда Искарот продал Иисуса Христа, которого любил. Кроме того, Москва могла стать надежной союзницей в борьбе с Тимуром Гураганом. В отсутствие других претендентов на Владимир хан уступил просьбе московского князя.

Великий стол перешел к Василию Дмитриевичу без ханского ярлыка, и можно было на том успокоиться, но Москва нуждалась в сильном союзнике – слишком многие ненавидели ее, даже пресмыкаясь и заискивая перед ней. Оставаться один на один с враждебным окружением было слишком опасно. Если соседи скопом навалятся, то несдобровать. Терять такого союзника, как Орда, глупо. Кроме того, Москва граничила с воинственной, недавно принявшей католичество Литвой. Многие белорусские и малороссийские жители считали союз с Востоком противовесом угрозе с Запада, но не хотели и присоединяться и к Москве.

– Мне докладывали, что покойный князь Дмитрий Иванович нарек сына Владимирским князем. Зачем же я ему нужен? – ехидно улыбаясь, спросил хан.

– В предсмертном бреде чего не случается. Василий Дмитриевич жаждет получить ярлык именно из рук законного царя и повелителя... – кланяясь, заметил посол.

– Ну что ж, будь по-твоему, – смилостивился Тохтамыш.

Он недолюбливал московских князей, но у политики свои законы, которым надлежит неукоснительно следовать. Обе стороны нуждались друг в друге, а потому приходилось договариваться. За ярлык хан запросил вспомогательную рать. Даниил Феофанович обещал ее по первому требованию и целовал на том крест.

Русские не раз принимали участие в войнах улуса Джучи с возмутителями спокойствия как вспомогательные войска, но летописцы сообщали том как-то глухо и скупно, с неким стыдом.

Тохтамыш отправил к Василию Дмитриевичу с боярином своего шурина (брата жены) Шихмата, близкого родственника. Великая честь! Грамотами от ханов на Руси очень дорожили и передавали их из поколения в поколение. Они хранились в сокровищнице наряду с княжескими венцами и фамильными драгоценностями, ибо подтверждали законность владения теми или иными землями и городами.

Шихмат напоминал скорее бесшабашного батыра, нежели хитрого и расчетливого политика. Молодой, мускулистый, высокомерный, рубившийся в сражениях в первых рядах, а на охоте с первой стрелы поражавший птицу в полете. Родственник хана был нагл до дерзости и бесшабашен до безрассудства. Настоящий батыр!

Во Владимире Шихмат «посадил Василия Дмитриевича на великое княжение». Счастье, однако, переменчиво и недолговечно. Следующей весной ханский шурин попал в засаду у Сырдарьи и был изрублен на куски.

С переездом митрополичьего двора в Москву при святителе Петре²⁷ стольный Владимир осиротел и постепенно начал терять значение общерусского центра, но обладание им давало звание великого князя. Василий Дмитриевич чувствовал себя значительно увереннее, получив от хана ярлык.

Бояре невольно насторожились, ведь князь несколько лет воспитывался в Орде, а тамошние нравы известны: чуть что – голову на плаху или задницу на кол. Бывало, подносили и яд в пиале. Хорошо, коли несчастный быстро погибал, но случалось, что перед тем бедняга долго мучился... Да мало ли всякого придумали сыны Адамовы для умерщвления себе подобных...

Владимир Андреевич Серпуховской, герой Куликовской битвы, дядя великого князя, обиделся на племянника за то, что ему ничего не выделили из наследства Дмитрия Ивановича, треть которого принадлежала ему.

Сперва Владимир Андреевич остановился в Серпухове, но, видя, что сие не возымело действия, отправился в полуновгородский-полумосковский Торжок, что выглядело вызовом. Соединившись с северной республикой, он мог согнать с великого Владимирского стола Василия Дмитриевича. Тому пришлось растолковать, и самонадеянность князя, как рукой сняло. Обострять конфликт он поостерегся и уступил Ржев, часть Волока Ламского со всеми пошлинами и сборами Владимиру Андреевичу.

Нежданно-негаданно Витовт прислал к Василию Дмитриевичу боярина с поздравлением с его восшествием на Владимирский стол. Настоящая цель посла, впрочем, была иной. Луцкий князь хотел прощупать обстановку при московском дворе. Кроме верительных грамот посланец Витовта передал князю платочек от Софьи, вышитый ею собственноручно, как некое напоминание об обручении.

Вспомнилась зеленоглазая дева, и что-то ожило в душе московского князя, а ведь два года минуло с их встречи – немалый срок, но сердце встрепенулось, как петух на насесте при приближении рассвета, будто вновь увидел деву на запорошенном снегом замковом дворе Луцка или опять очутился на крещенском пиру. Заноза любви вновь заныла в душе, не вытащить и не смягчить боли. Зачем ему жена-литовка, он и сам не знал, мог суженую и поближе сыскать, но поздно уж об этом рассуждать. Вновь накатило наваждение... «Хватит, погулял, пора и честь знать – жениться во что бы то ни стало...» – решил Василий Дмитриевич.

²⁷ Митрополит Киевский и всея Руси с 1308-го по 1326 г.

9

Корабль с митрополитом Пименом пересек Великое море, добрался до Синопа и повернул на запад вдоль гористых пафлагонских и вифинских берегов, которыми уже почти пятьдесят лет владели турки и пасли там отары овец и коз.

Миновав маяк Искресту, вошли в Босфор, а через некоторое время показался тяжелый и одновременно воздушный купол огромного храма. Пимен не раз видел его, но всякий раз поражался его величию и красоте. Не зря Юстиниан, обойдя собор, изрек: «Соломон, я превзошел тебя». Царьград с высоты птичьего полета напоминал голову орла, у которого вместо клюва темнели развалины акрополя, а вместо глаза – комплекс строений Святой Софии²⁸.

Несмотря на упадок, империя держалась молитвой и крепостью духа. В ее столице бурлили: церковные и политические дискуссии сменяя одна другую. Теологические и государственные вопросы обсуждались здесь прямо на улицах, рынках и площадях с горячностью, поражавшей чужестранцев. Путешественники из Западной Европы и Востока с нескрываемым изумлением сообщали, что этот город полон ремесленников, воров, поденщиков и нищих, но сие еще полбеды. Хуже то, что все они – словно богословы обсуждают церковные вопросы словно профессора Сорбонны или Болонского университета. Католики с трудом выносили такое, считая дискуссии о вере исключительно уделом клириков. Здесь же, коли обратишься к мяняле с просьбой поменять дукаты²⁹ на безанты³⁰ или наоборот, то тот ни с того ни с сего тебе расскажут вам, чем Бог-Сын отличается от Бога-Отца. Если вы поинтересуетесь у булочника ценой на хлеб, то он начнет доказывать вам, чем Сын по своей природе меньше Отца, будто не слыша вопроса. Если, истомленные жаждой, вы закажете в таверне кувшин красного фракийского, то вам сообщат, от кого исходит Святой Дух – от Бога-Отца или от Отца и Сына. У мусульман, посещавших сей город, голова шла кругом, и они полагали, что попадали в загробный мир, который представлял собой смесь ада с раем, если такое возможно. Город Константина нельзя было ни понять, ни постичь. «Не заговаривайте здесь ни с кем, иначе вы пожалеете о том», – писал посетивший его путешественник. Впрочем, греки воспринимали религиозные диспуты не как праздное философствование, считая что от ответов на вопросы веры зависит спасение или гибель души, важнее чего нет для христианина. Несмотря на свою горячность, византийцы, называвшие себя ромеями, то есть римлянами, на удивление терпимо относились к инакомыслящим. Здесь не существовало ничего, подобного западной священной инквизиции.

В Константинополе творили светлейшие умы человечества, постигшие мудрость древней Эллады и строгую прелесть аттической речи, на которой давно не говорили, но писали. Употреблять «народный» (новогреческий) язык при сочинительстве считалось невежеством. Противиться очарованию «Нового Рима» было невозможно, и его население обитало в постоянном ожидании чуда, но одно поколение сменялось другим, а ничего не изменялось. Люди проваливались в пропасть вечности, не дождавшись откровения свыше.

К несчастью для Пимена, в Царьград уже прибыл Киприан митрополит Малой Руси и Литвы. Встревоженный сообщением Сергия Радонежского, он поспешил сюда и опередил своего соперника. Одна беда порождает другую – вскоре пришло известие о смерти великого князя Дмитрия Ивановича, на защиту которого Пимен все же уповал, несмотря на настоятельное требование того не ездить к грекам. Московский государь не слишком благоволил к своему святителю, но за ним тот был как за каменной стеной.

²⁸ На месте которого построили дворец Топкапы.

²⁹ Дукат – золотая монета Венеции.

³⁰ Безант – золотая монета Византии с изображением императора.

Теперь митрополит Великой Руси совершенно отчетливо осознал, что оказался в западне, тем более что патриарх Антоний благоволил к Киприану. Пытаясь оттянуть церковный суд, Пимен сказался больным, перебрался на азиатский берег Босфора, которым владели османы, в городок Халкидон, и снял у храма великомученицы Евфимии убогую лачугу.

В то лето на берегах Босфора все судачили о грядущей схватке турок с сербами и гадали о ее исходе. Сербия, еще совсем недавно считавшаяся сильнейшей державой Балкан, после смерти Стефана Душана³¹ разваливалась на глазах, будто детский куличик в песочнице под осенним дождем, но все по инерции считали ее такой же, как прежде.

В день святого Витта – 15 июня – на Косовом поле произошло решающее сражение. Султана в его шатре заколол Милош Обилич³², пожертвовавший ради того жизнью. Убийцу изрубили в куски, и османский престол занял сын Мурата Баязет, который ввел в бой свежие силы и разгромил сербов. Князя Лазаря взяли в плен и казнили. Заодно новый султан «отправил его в вечность» умертвил своего брата Якуб-бека. Уничтожать других претендентов на престол, все более входило в привычку султанов, тем самым избавляя турок от междоусобиц.

На тринадцатый день известие об исходе сражения докатилось до Константинополя, но выглядело несколько противоречиво и причудливо. Находившийся при Пимене священник Игнатий Смолянин в своих записях отметил: «Царь Мурат пошел с войском на сербского князя Лазаря, и, как слышно, оба они пали на поле битвы».

О том сражении ходило много самых невероятных слухов, появилось немало самозванцев и самых невероятных легенд. Говорили, что накануне битвы Лазарю во сне явился ангел и предложил на выбор: царство земное или небесное. Отдав предпочтение первому, князь не победит султана, зато после его смерти Сербия возродится. Впоследствии приверженцы православия, как не странно, начали преклоняться пред своим поражением, что редко встречается.

Скрываясь от людей на восточном берегу Босфора, Пимен затосковал. Он уже и сам не знал, зачем явился сюда. Начали сдавать нервы, и митрополит лишился сна. Прежде большому чревоугоднику теперь кусок в глотку не лез, и его прежде дородное тело иссохло, а пища вызывала у него омерзение.

Однажды кто-то постучал в дверь лачуги и крикнул по-гречески:

– Именем Иисуса Христа, отвори!

Митрополит в страхе забился в угол и, бесшумно шевеля трясущимися губами принялся молиться. Когда неизвестный удалился, Пимен от обиды и бессилия расплакался, словно отрок. Слезы текли по седеющей бороде, капая на подрясник, и он не мог их унять. Пимен считал, что за всю свою жизнь не сделал никому ничего худого. Так за что же ему это?

В бессонные ночи он, жалкий и одинокий, выбирался к Босфору, чтобы побродить вдоль берега у самой кромки воды. Слушая плеск волн и всматриваясь в небосвод, через который был перекинут Млечный Путь – мост из здешнего мира в потусторонний, Пимен вспоминал свою странную, ни на что не похожую жизнь.

После смерти жены он принял постриг и вскоре сделался архимандритом Успенской Горицкой обители в Переславле-Залесском. Не имея влиятельных покровителей, он не рассчитывал на более высокий сан, но нежданно-негаданно княжеский духовник Михаил взял его с собой в Константинополь и в пути почил. Пимена возвели в великорусские святители. Однако по возвращении великий князь Дмитрий Иванович сослал его в далекую дику Чухлому. Казалось, надеяться не на что, но неожиданно государь сменил гнев на милость, изгнал Киприана, а его призвал на митрополичий двор. Да мало ли всего случалось в долгой запутанной жизни, и чего он только не пережил, чего не перенес... Неужели все зря, все, что познал и передумал? Теперь это все умрет вместе с ним, превратившись в ничто.

³¹ Стефан Душан – сербский король (1331-1355).

³² Согласно фирману султана Баязета кадию Брусы, прозвище Милоша было не Обилич, а Кобилич.

После трех тщетных попыток вызвать Пимена на церковный суд вселенский святитель Антоний по окончании литургии поднялся на кафедру храма Святой Софии и объявил, что бывший митрополит Киевский и Великой Руси отлучается от апостольской православной церкви.

Служки, находившиеся на соборе, принесли Пимену весть о случившемся. «Как теперь жить? Теперь мне прямая дорога в ад...» – скорбя, в ужасе думал он, и это окончательно сломило дух низвергнутого архиерея. Несмотря на свою находчивость и изворотливость, конец жизни Пимена оказался печален. Никому еще не удавалось обмануть старуху Смерть, хотя некоторые и пытались договориться с ней или подкупить ее.

Все чаще Пимен читал последнюю часть Нового Завета – Книгу Откровений Иоанна Богослова (Апокалипсис), состоящую из видений, в которых таилась тайна конца света. Там говорилось об антихристе, воскресении из мертвых, Страшном суде, иной земле и небе, на которых не будет смерти, плача, болезней и самого времени. Утверждали даже, что не следует понимать слова Откровения буквально, и считали, что рано или поздно пророчества Иоанна сбудутся, ибо это последнее слово, вводящее в сокровенные Божественные тайны.

Одиннадцатого сентября, в день памяти святой Феодоры Александрийской, Пимен почил. Отлученных от церкви не хоронили в Божьих храмах, но сводить счета с усопшим патриарх посчитал ниже своего достоинства и сделал вид, что ничего не заметил. Священник Игнатий Смолянин писал, что тело покойного погребли в церкви Иоанна Предтечи, за пределами Константинополя, на берегу Пропонтиды³³ под шум бьющихся о валуны зеленых волн. При погребении присутствовали Иоанн – протопоп, Григорий – протодьякон, Герман – архидьякон и Михаил – дьякон, сопровождавшие покойного в Царьград.

Со смертью московского князя и Пимена все препятствия к воссоединению русской церкви исчезли, и Киприан получил благословение от преосвященного вселенского патриарха Антония на возвращение на Русь. Кроме всего прочего, Киприан был озабочен тем, чтобы из его рук не уплыли новгородские богатства, а потому испросил дать ему увещательную грамоту к строптивой тамошней пастве с предписанием покориться ему и получил ее за подписями всех членов Собора.

Четыре года назад в Великом Новгороде на вече постановили и целовали крест на том, что впредь не будут судиться у митрополита, а только у своего архиепископа. Здесь имелся в виду апелляционный суд, который святитель Руси производил лично или через своих уполномоченных каждые три года на четвертый в течение месяца. Иметь суд значило получать судебные пошлины, при этом суд митрополита оплачивался по двойному тарифу. За свой приезд в Великий Новгород святитель брал налог с местного духовенства на содержание его со свитой, так называемый «корм», который производился за счет города и превращался в особую церковную дань, а за свое архипастырское благословение митрополит получал от народа и духовенства «дары» и «поминки».

Киприан занял тысячу рублей у генуэзцев и наняли два корабля до северного побережья Великого моря. 1 октября он отплыл из Константинополя, а с ним архиепископ Ростовский Феодор Симоновский, Михаил – епископ Смоленский, Иона – владыка Волынский и два греческих митрополита.

Наступила пора осенних штормов, и на море разразилась буря «с великими громами, молниями и вихрями», разметающая суда. Киприан посчитал, что другой парусник поглотила морская пучина, и оплакал судьбу его пассажиров и команды. Он и сам пребывал меж жизнью и смертью. Огромные волны поднимали корабль и низвергали в бездну. Суденышко так скрипело, что казалось – вот-вот рассыплется. Впоследствии, описывая свое возвращение, Киприан

³³ Пропонтидой, как и при Гомере, греки называли Мраморное море.

отметил, что за свою жизнь испытал много жестоких бед, но то плавание ему представлялось самым ужасным.

Через день, с Божией помощью, буря утихла и настала великая тишь. Второй корабль, который считали погибшим, чудесным образом показался вдали, и через некоторое время путешественники высадились в Белгороде, принадлежавшем генуэзцам и находившемся на Днестровском лимане, в двадцати верстах от впадения Днестра в море.

10

В конце концов Василий Дмитриевич снарядил посольство к Витовту, хотя чувствовал, что матушка Евдокия Дмитриевна, братья и бояре не одобряли его. Если бы батюшка здравствовал, то не допустил бы того, а женил сына на другой, а ныне он здесь хозяин. Вольно или невольно, но великий князь отдалился от матери и чувствовал свое леденящее душу одиночество, хотя порой так хотелось иметь рядом близкого, родного человека. Но таков удел всех государей – одиночество...

Главой посольства Василий Дмитриевич назначил дородного, представительного боярина Александра Борисовича Поле со товарищами: надежным и обстоятельным Александром Андреевичем Белеутом и недоверчивым, хитрым и подозрительным Селиваном Борисовичем, который во всем сомневался и считал себя умнейшим из людей. Все вопросы посольским надлежало решать совместно, но отвечать за всё предстояло главному послу, хотя и остальным не поздоровится в случае чего. Порученная им миссия, представлялась простой – передать подарки Витовту и доставить его дочь Софью в Москву. Тут ни ума, ни сноровки не требовалось.

С посольством Василий Дмитриевич посылал и своего рынду Шишку со щекотливым и деликатным поручением, которое не мог никому доверить, а именно собрать сведения о нравственности невесты, ибо о литовках в самом деле судачили разное, особенно о свободе их нравов. Коли окажется, что княжна распутна, то Шишке надлежало передать послу данную ему княжескую грамоту с наказом возвращаться домой. В московском княжеском доме за нравственностью следили более чем строго.

О цели поездки Шишки Александр Борисович Поле только гадал. Ему место в дворне, как блудному псу, но князь его любит. Через дьяка Внука посол проведал, что рында имеет некое задание, а потому стал относиться к нему настороженно, даже с некоторой опаской.

Услышав, что Шишка едет в Луцк, его приятель Симеон загорелся желанием пристать к посольству. Это было обычной практикой той эпохи: купцы частенько сопровождали государевых людей – не только из соображений безопасно уплаты пошлин. Для этого купец заносился в список членов посольства, за что платил определенную мзду послу, но выгода превосходила затраты. По рекомендации рынды к числу дипломатов приписали и торгового человека Симеона.

Для отъезда ждали снега. Наконец установился зимник, и вереница саней покатила на запад. С темнотой останавливались в придорожных деревушках. В низких избах, крытых тесом или соломой, вместе со скотиной ползали грязные сопливые дети. Без вшей не обходилось, но им никто не удивлялся и не придавал значения. Они водились и в боярских теремах и даже, страшно сказать, в княжеских. Воздух в избах стоял тяжелый, спертый, но это все же лучше, нежели ночевать под морозным звездным небом да слушать протяжный, леденящий душу волчий вой. С рассветом, наскоро перекусив, трогались дальше. Сани цепочкой ползли меж деревьев все дальше на запад, а от лошадей поднимался голубоватый пар.

Не желая поступаться боярской честью, Шишку сторонились, но за столом Александр Борисович отводил ему с Симеоном достойные места, дабы не обиделись. Еще наядбедничают князю, а тот опалу наложит, невзирая на старые заслуги. Да и кто ныне помнит прежние подвиги? Александр Борисович рубился на Куликовом поле в Большом полку и еле выжил. Вроде заслужил уважение, но теперь новые времена, старые заслуги не в счет...

В Москву понаехало немало соседних князьков, бояр из Литвы и Малороссии, эмиров и ханских слуг из Орды, готовых креститься, только бы взяли, а значит, коренным москвичам приходилось потесниться. Новые люди все дальше отодвигали исконных своих бояр от пре-

стола, что, разумеется, обидно. Их отцы и деды некогда строили и обороняли Москву, но кто это ныне помнит...

У Можайска посольство встретило купцов, возвращавшихся из Вильно, и те поведали, что Витовт пытался захватить Верхний каменный замок, спрятав воинов в возах под нагруженными дровами и хворостом, но Скиргайло Ольгердович прознал о том. Заговорщиков бросили в темницы, а Витовт с ближайшими родственниками и приближенными бежал в Пруссию, где заключил вассальный договор с великим магистром, благородным братом Конрадом Цольнером фон Ротенштейном, признал верховенство Ордена и отдал в заложники своих малолетних сыновей Ивана с Юрием, своего брата Жигмантаса (Сигизмунда), сестру Рингайле (Рынгалле) и жену Анну Святославовну с дочерью Софией³⁴.

Ситуация изменилась, и посольству пришлось направиться не в Луцк через Смоленск, а на северо-запад, в сторону Господина Великого Новгорода, но там свирепствовало моровое поветрие. Опасаясь заразы, не задерживаясь, проследовали дальше, пересекли границу с Ливонией, представлявшей собой конфедерацию духовных владений – Рижского архиепископства, Дерптского, Викского и Курляндского епископств и земель Ливонского ордена, дочернего Тевтонскому, штаб-квартира которого находилась в Рижском замке.

Между хозяевами Ливонии то затухала, то вновь разгоралась борьба за политическую, военную и церковную гегемонию. Разобраться во всем этом было непросто даже ее участникам. При этом все стороны апеллировали к императору Священной Римской империи германской нации Вацлову и обоим понтификам – Бонифацию IX в Италии и Клименту VII в Авиньоне. Противоборствующие стороны руководствовались не здравым смыслом, а токмо своей выгодой и корыстью.

Наконец добрались до Риги. Будучи членом Ганзейского союза, город вел оживленную посредническую торговлю с Литвой, Польшей, Новгородом, Полоцком, Швецией и Данией.

Привилегированное положение в купеческих корпорациях занимали выходцы из Германии, чувствовавшие себя хозяевами в магистрате. Только они имели право заниматься коммерцией, их принимали в Большую и Малую гильдии и позволяли справлять свадьбы по воскресеньям. За тем, чтобы местные жители не поднимались выше дозволенного – кормились, одевались, вели себя, как подобает людям низшего сорта, – следил магистрат, потому худо приходилось тому, кто нарушал заведенный порядок. Латыши считались полулюдьми. Христианство еще не вполне укоренилось в Ливонии, и иной раз находились этому подтверждения.

Далее на пути посольства лежала Жмудь, где повсюду витали жуткие призраки войны. Никто не мог гарантировать безопасного проезда через нее. Если бы ехали летом, то наняли бы корабль, чтобы не подвергаться напрасному риску, но стоял малый ледниковый период, зимой море замерзло и судоходство прекращалось. Путь выбрали на свой страх и риск, держа оружие под рукой. Дороги тут почти отсутствовали, то и дело попадались буреломы, которые либо разбирали, либо объезжали. Дремучие леса с топами, над которыми в теплое время года поднимались зловонные испарения, сейчас покрывали глубокие снега. Здесь обитали язычники, не подчинявшиеся ни Литве, ни Ордену. Разве что своему богу Перкунасу, жестокому и ненасытному до жертвоприношений...

Господь хранил русских, и они благополучно достигли Пруссии. Там во всем чувствовался германский порядок, через десять-двенадцать верст стояли крепкие каменные замки, ибо братьям-рыцарям не позволялось ночевать нигде, кроме них. Дороги здесь оказались вполне сносны, и вскоре из-за кромки леса показалась высокая прямоугольная башня из красного кирпича, на флагштоке которого развевалось знамя с черно-желтым крестом, а в центре

³⁴ За несколько лет до описанных событий, находясь в союзе с братьями во Христе, Витовт тайно переметнулся на сторону Ягайло, захватив несколько орденских замков и истребив их гарнизоны. С тех пор ему не доверяли, потому его родственников и разместили по разным крепостям под надежной охраной.

расправлял крылья орел – штандарт великого магистра. Вот оно, логово Тевтонского ордена – Мариенбург³⁵.

Резиденция главы Ордена поражала своими первоклассными укреплениями, которые в течение многих десятилетий возводили лучшие фортификаторы Европы. Никто не мог овладеть этой твердыней. Сумрачный германский гений властвовал здесь даже в большей степени, чем на берегах Рейна или Одера.

Столица орденского государства состояла из трех крепостей одна внутри другой: Предзамья, или Нижнего города, Среднего и Верхнего замков. Их красные кирпичные стены возносились все выше и выше, упираясь в низкое балтийское небо. О Мариенбурге ходило множество легенд: о подземных ходах, соединявших его подвалы с соседними замками, и о страшной подземной тюрьме, в которой томились враги Ордена. Это завораживало воображение, холодя кровь.

Нижний город, как и везде в Европе, имел узкие кривые улицы с каменными и деревянными домами, торговыми площадями, ратушей, многочисленными церквями и складами. От него к Среднему замку поднималась мощеная дорога. Там обитали все подвластные Ордену племена: поляки, немцы, крещенные пруссы и литовцы.

Однако оказалось, что Витовта в столице нет, он находится в Восточной Пруссии в замке Бертенштейн. Отправились туда. Стоял сильный мороз, дул резкий ветер с Висленского залива, и все изрядно продрогли.

Отчаявшись дожидаться представителей Василия Дмитриевича, беглый князь подумывал уже о том, чтобы подыскать дочери другого жениха, ибо еще немного – и Софья могла оказаться в старых девах. Если обычных девушек выдавали замуж за соседей, то дочерей сильных мира сего – исходя из политической целесообразности. Претенденты на руку Софьи имелись, но всё какие-то мелкотравчатые, не чета московскому государю.

Витовт обрадовался гостям, и от сердца у него отлегло, но разместить всех в небольшом замке оказалось затруднительно, потому переговоры перенесли в Мариенбург, где в качестве заложницы содержалась сама невеста Василия Дмитриевича со своей матерью.

В столице Ордена посольских разместили в Предзамье, в трехэтажной гостинице «Кабаний окорок», недалеко от ратуши. Первые дни осматривались, приценивались и разглядывали людишек, заполнявших улочки. Вскоре явился Витовт, и переговоры начались.

³⁵ Мариенбург заложен тевтонскими рыцарями в 1274 году в 35 верстах от Балтийского моря, а с 1309-го служил резиденцией великого магистра.

11

– Милостивейший и справедливейший царь! Твоя воля – закон, твоя милость – ласка, твой гнев – беда. По своей щедрости и доброте ты пожаловал мне Нижний Новгород, а мои племянники, псы смердящие, выгнали меня из города. Умоляю, верни то, что ты даровал своему верному слуге, и преданность моя будет беспредельна. Если же все оставить так, как есть, то мир расценит это как бессилие. Помоги мне... – взмолился Борис Константинович, принимая после возвращения Тохтамыша в Сарай-Берке.

Слово на Востоке значило еще меньше, чем на Западе, и стоило дешевле медного пула³⁶, но речь просителя встревожила хана, и он вторично дал изгнаннику ярлык на город, а в сопровождение ему выделил две тысячи нукеров.

Географическое положение сулило Нижнему Новгороду великое и славное будущее собирателя земли русской. Епископ Дионисий основал здесь Печерский монастырь Вознесения Господня по подобию Киево-Печерской обители, куда стекалось множество паломников, а чернец Лаврентий составил там летопись, названную его именем, но, видно, прогневили здешние жители Всевышнего: слишком много торговали и мало молились.

Возвратив себе Нижний, Борис Константинович сел там. Василий Кирдяпа получил в качестве отступного Городец, находившийся чуть выше по течению Волги, а Семен, остался ни с чем и вернулся в Суздаль, совместное владение рода Константина Васильевича. «Черная смерть» обошла сей край стороной, подорвав тем силы княжеской семьи. Из-за большого числа потомков Константина Васильевича Суздальско-Нижегородская земля раздробилась на мелкие уделы, но их все равно не хватало, отсюда ссоры, обиды, распри. Тем не менее это княжество, как и Владимирское, имело статус великого, а потому могло непосредственно сноситься с Ордой.

Здесь князья опирались на волжские купеческие города и могли противостоять влиянию Москвы, но за свободу надлежало сражаться, а здесь не любили и не хотели проливать кровь. А ведь только на ней зиждется власть, как это ни горестно. Приволжские торговые корпорации только зарождались и не торопились вкладывать деньги в политические предприятия. Не жаловали они ни своего государя, ни его родственников, но терпели, ибо без князей никак нельзя, они гаранты порядка, а без него невозможна правильная торговля.

На возвращение Бориса Константиновича в Нижний Новгород Москва смотрела с нескрываемым недовольством, хотя тот и не проводил враждебной ей политики. Тем не менее Василий Дмитриевич созвал на совет нескольких многоопытных мужей.

Дума как таковая тогда не имела постоянного состава. На обсуждение военных вопросов приглашали воевод, на дела, связанные со сбором пошлин или торговли, звали иных людей, понаторевших в коммерции и финансах, а на вопросы, связанные с внешней политикой, – третьих. Тем не менее, нужда порой заставляла объединять несколько направлений вместе.

В тот день Василий Дмитриевич собрал у себя четверых: прямого и решительного рубака Федора Андреевича Кошку с багровым шрамом от сабельного удара через все лицо; плутоватого и большеротого Илью Ивановича Квашню, специалиста по самым замысловатым интригам; молчаливого и коварного Петра Константиновича; вкрадчивого и добродушного с виду толстяка Даниила Феофановича, опытного дипломата, не раз служившего московскому дому в Орде, Литве и Великом Новгороде, некогда постигавшего посольскую науку под началом казненного на Кучковом поле Кочевина-Олешеньского, имя которого ныне старались не упоминать.

³⁶ Пул – медная монета Орды с изображением животного.

Все четверо слыли людьми старой закваски, опасались, но не боялись литовцев, к татарам относились осторожно и с почтением, а за московские интересы могли перегрызть глотку собственному брату. Каждому из них перевалило за сорок, нынешнему великому князю они чуть ли не в отцы годились, хорошо помнили его младенцем, но благоразумно помалкивали о том. Когда-то один из бояр Семена Гордого³⁷ посмел заметить, что держал того на руках в пеленках, и вскоре почил в княжеском подвале всеми забытый. Такие уроки легко запоминаются другими людьми князя.

На домотканом красном половике у ног Василия Дмитриевича развалился черный котище с белыми усами – княжеский любимец Веня. Лениво пошевеливая пушистым хвостом, зверюга посматривал на бояр из-под полуприкрытых глаз и размышлял о чем-то своем. Как и всякий эгоист, он полагал, что Московское княжество создано, трудится и воюет исключительно для того, чтобы прокормить его, милягу.

Приглашенные расселись вдоль стен, завешанных коврами по ордынской моде, прижившей здесь со временем Ивана Калиты.

Василий Дмитриевич начал речь без затей:

– Господа бояре, вам, верно, известно, что Борис Городецкий вторично выпросил у царя³⁸ ярлык на Нижний Новгород. Некогда мой батюшка помог согнать его оттуда, и Тохтамыш проглотил это. Сейчас меня заботит, не станет ли он препятствовать нашей торговле по Оке и Волге в отместку за помощь его племянникам и что мы можем этому противопоставить?

Неторопливо, как и надлежит, человеку, знающему себе цену, поднялся Федор Андреевич Кошка и как припечатал:

– Сдается мне, государь, что не только ему, но и твоим шуринам Кирдяпе и Симеону отдавать Нижний негоже. Они ничуть не лучше своего дядюшки, а город богатый, за него стоит пободаться.

– Верно, верно! – поддержал немногословный Петр Константинович. – Занятное дельце может выйти, коли с умом в него ввязаться...

– Не худо бы Нижний Новгород к Москве присоединить, – поняв по-своему мысль последнего, заметил, расплывшись в улыбке, Даниил Феофанович, и глаза у него блеснули молодым, дерзким задором. – Тогда уж с нами никто не посмеет тягаться – ни Тверь, ни Рязань, об остальных и говорить нечего. Разве что Литва?

– Да возможно ли сие? – усомнился молодой князь, не готовый к такому повороту беседы.

– Если подойти ко всему со знанием дела и здравым умом, то за это стоит побороться. Да почему бы и нет? Нижегородцев на свою сторону переманим. Не всех, вестимо, а нужных. Дальше само пойдет, – закивал Илья Иванович Квашня.

– Как же такое устроить? – оторопел Василий Дмитриевич.

– Э-э, глаза боятся, а руки делают. Ближних к Борису людишек подкупим, а остальным наобещаем с три короба... Им и этого довольно. С Ордой посложнее, но если не покуситься, то она тоже не устоит. Договоримся, не впервой перекупать ярлыки! Нижний того стоит! – заметил толстяк Даниил Феофанович и со значением оглядел остальных; несогласных не оказалось.

– Удастся ли только? Сказывают, хан к Борису благоволит, – опять засомневался Василий Дмитриевич.

– Тохтамышу для войны с Тимуром нужны деньги и ратники. Ради них он уступит, никуда не денется, – поднявшись со скамьи, принялся отстаивать свою позицию Даниил Феофанович. – Дадим, сколько попросит. Потом вернем все податями с Нижнего, с него много можно взять...

³⁷ Великий князь Владимирский и Московский (1340 (?) – 1353).

³⁸ Царями на Руси в XII-XV веках называли как византийских императоров, так и ханов Золотой Орды.

– А племянники Бориса Василий Кирдяпа и Семен?

– Намекнем им, что ради них стараемся, чтобы не путались в ногах, – нашелся старик Федор Андреевич. – А когда город приведем к присяге, то уже не посмеют оспаривать город...

– Не считайте суздальских князей простофилями. Они ничуть не глупее нас. С Кирдяпой я в заложниках томился и знаю, что он себе на уме. Такому палец в рот не клади. Откусит...

– Вот и проверим, но на руку наденем кованую перчатку из ханского ярлыка. Куснет раз, куснет другой – и зубы поломают. Ха-ха-ха... – подытожил Илья Иванович.

– Будь по-вашему, господа бояре, – кивнул князь и в некоторой растерянности подумал: «Хотел посоветоваться, да вот что получилось! Но коли удастся присоединить к себе Нижний, то это станет крупнейшей победой Москвы, не чета Куликовской битве. Тогда батюшка ничего не добыл, кроме славы, а народу положил видимо-невидимо... Я же Приволжьем так увеличу свои владения, что куда там! И все это под невнятный шепот, тихий перезвон монет и услужливые улыбки, а не под звон мечей».

– Не сомневайся, государь, не подведем. Все будет шито-крыто, коли только твой кот не продаст нас за тридцать сребреников, – заметил Даниил Феофанович.

– Он не болтлив, – поднявшись в знак окончания беседы, заверил Василий Дмитриевич.

Все поклонились и чинно по очереди выплыли из горницы, а князю опять вспомнилась дочь Витовта Софья. Никого особенно не любя и не вполне осознавая того, ему хотелось быть любимым ею.

Получив согласие князя, бояре, не откладывая, борзо взялись за задуманное. На Волгу снарядили Илью Ивановича – якобы на свадьбу сына боярыни Албычевой, его кумы. Перед отъездом он получил от княжеского казначея Ивана Федоровича, сына Федора Андреевича Кошки, ларец с серебром.

В Нижнем он пустил эти деньги в ход, размягчая сердца и склоняя приближенных Бориса Константиновича не то чтобы к измене ему, а к дружбе с Москвой, что было в сущности почти одно и то же. С теми, кто попроще, ограничивался беседой и обещаниями милостей. Верили – в хорошее легко верится. Когда свадьбу отгуляли, Илья Иванович Квашня прикинулся хворым, дабы, не вызывая подозрений, задержаться еще.

Будучи по матери внуком Дмитрия Константиновича Нижегородского, московский князь многим представлялся близким родственником их правителей, а значит, имел некоторые права на престол. Этому способствовало и то, что город лишь без малого пятьдесят лет находился под властью суздальских князей, а до того входил в великое Владимирское княжество. Таким образом, получалось, что Москва не завоевывала Нижний, а по-семейному возвращала себе.

В результате пребывания на Волге Квашни часть тамошнего боярского сословия предпочла более сильного и молодого Владимирского князя Борису Константиновичу, а купцы соблазнились обещанием мира с татарами, мордвой и черемисами, рассчитывая с помощью Москвы еще более обезопасить торговлю по Волге. При этом из игры устранились собственные князья, грызущиеся меж собой, бесконечные склоки которых мешали коммерции.

Особо беспокоил Илью Ивановича старший боярин нижегородского князя Василий Румянец, имевший большое влияние на своего государя. Говорить с ним он долго не решался, но перед отъездом все же напросился на обед.

Никого из посторонних при этом не было, если не считать слуг, подававших блюда и подливавших напитки. Хмель постепенно менял собеседников, превращая их из осторожных и рассудительных людей в хвастливых говорунов.

– Ах, какой ты крепкий мед делаешь! – заметил гость, чувствуя опьянение.

На что хозяин, приняв то за похвалу, самодовольно ответил:

– Слабый мед варить – только время по пустому терять...

Осушив по нескольку кубков забористого напитка, Илья Иванович как бы ненароком предложил Румянцу покровительство и дружбу своего князя Василия Дмитриевича. Что это

значило, оба поняли без лишних слов. На удивление легко, почти не раздумывая, нижегородский сановник согласился, хотя знал, что этим предает своего государя; но не он первый, не он последний.

– Рад твоему ответу всей душой, но интересно, чем же тебе насолил так твой благодетель? – заподозрив неладное, полюбопытствовал москвич.

– Когда-то я не осмеливался не то что поступать, но и думать против его воли, но с годами расхотелось пресмыкаться, опостылело все...

– Э, братец, мало ли что приходится терпеть от князей... Они на то и помазанники Божьи.

– По мне, так большая часть из них – скоты! – возразил Василий Румянец, скрипнув зубами.

– Это уж слишком. Не ерпенься, себе дороже... – заметил москвич и решил посоветовать Василию Дмитриевичу не приближать впоследствии к себе сумасброда.

– Может, ты и прав, – опомнившись, согласился Румянец, уловив настороженный взгляд гостя и поняв, что сказал лишку.

К этому вопросу более не возвращались, слишком скользкая тема, так можно неизвестно до чего договориться. Да и какая в сущности разница, за что Румянец недолюбливает своего князя? Главное, что готов переметнуться на сторону Москвы. Воистину люди подобны облакам, которые ветер носит с места на место.

Хозяин подал знак. Виночерпий снова наполнил кубки, и слуги переменили блюда. Ожидая, когда уберут объедки, бояре тряхнули головами и по русскому обычаю затянули застольную:

Не вода с реки нахлынула —
Басурмане то понаехали.
И меня, молодую, в полон берут,
Ой ты, батюшка, выкупай меня!
Не жалею за меня серебра, полотна...

После трапезы обсудили предварительную цену предательства, и Румянец остался доволен, но его услуги того стоили.

12

Узнав о том, что Владимирский престол занял Василий Дмитриевич, Ягайло обеспокоился, хотя это было нетрудно предвидеть. Со сменой правителя порой менялась и внешняя политика государства, враги становились друзьями, а союзники – недругами. Дмитрий Иванович последние годы присмирел и стал предсказуем, а чего ожидать от его сыночка – никто не ведал. Тогда король отрядил в Москву коморника Прокшу под личиной приказчика некоего смоленского купца Строжина якобы для закупки зерна. Тогда в Польше и Литве в самом деле случился неурожай и жито поднялось в цене.

Коморнику с его людьми надлежало устроиться в Москве и снять там лавку, ибо сколько придется прозябать на чужбине неизвестно. О сдаче жилья обычно справлялись в корчмах или на торгу, потому Прокша направился в Заречье³⁹, где находилось одно из старейших питейных заведений. Для этого ему со своими людьми пришлось перебраться через Москву-реку, на которой обычно зимой устраивали торг.

Горы свиных, говяжьих и бараньих туш, связки белой и красной рыбы, разной птицы, кадки с квашеной капустой, солеными груздями и со всем прочим, что родит русская земля, лежали на скованной морозом реке. Проходящих мимо продавцы хватали за полы одежды и тащили к своим прилавкам. Тех, кто пытался улизнуть, ругали непотребными словами, а случалось и поколачивали. Эту манеру москвичи переняли от горячих греков, которые часто поступали подобным образом. Впрочем, давно известно, что худое усваивается быстрее хорошего.

В центре торга шла молодецкая потеха: сходились стенка на стенку, матерясь, смеясь и кровавая друг друга почем зря. Некоторые прятали в рукавицы камни или железные бруски, что не позволялось по правилам кулачного боя, но делалось повсеместно. Утяжеленный кулак мог искалечить, даже убить противника, проломив ему висок. Вокруг этой молодецкой забавы теснились ротозей, криками подбадривавшие знакомых.

Когда Прокша со своими людьми, миновав торг, добрались до корчмы, их встречал великий бражник поп-расстрига Аникий, наставляя так:

– Не напивайтесь слишком, дети мои. Не грешите безмерно! Лучше мне плесните Христа ради, и я согрешу вместо вас...

Аникия никто никогда не видел трезвым, как и тот не встречал трезвых, покидавших корчму. Проводив посетителей питейного заведения мутным равнодушным взглядом, он забывал о них, прежде чем те переступали порог корчмы, и погружался в дрему.

Заведение в Замоскворечье возникло давным-давно и переходило от отца к сыну, принося прибыль даже большую, чем торговля с Востоком или итальянскими колониями Причерноморья. А сколько православных душ сгубило здешнее хмельное пойло – и не счесть... Пока посетитель платил, ему улыбались и наливали до краев, но стоило потоку монет иссякнуть, как его выталкивали в шею или предлагали отдать кафтан, тулуп либо порты в уплату за кружку браги. Железное правило корчмы гласило: в долг не наливать даже родному отцу.

Заведение состояло из трех низких изб, баньки, конюшни, поварни для стряпни похлебок, каш и пирогов, амбара и сарая. Все это огораживал крепкий бревенчатый забор.

Устроившись за столом, «приказчик из Смоленска» поманил к себе шустрого разбитного паренька, сына хозяина корчмы, и велел:

– Налей-ка нам похлебки понаваристей да принеси пирогов с рыбьей требухой!

– За вкус не ручаюсь, но горяченько будет, – пообещал тот и юркнул в поварню.

Вскоре перед посетителями поставили посудинку с крупной, как горох, солью, а потом и все остальное.

³⁹ Ныне Замоскворечье.

Пищу тогда готовили пресной, и каждый подсаливал ее по вкусу. Через некоторое время на столе появился глиняный горшок с варевом и блюдо с пирогами из щучьих молок. Вытащив из-за голенищ липовые ложки, принялись по очереди зачерпывать сперва жижу, а потом и густыш с разваренной крупой.

Насытившись, Прокша поинтересовался, у кого можно остановиться торговому человеку на некоторое время. Порекомендовали старика, обитавшего у Богоявленского монастыря.

– Сволочь, конечно, но дом блюдет, крышу исправно латает. Однако за постой сдерет, не сомневайся, – заметил корчмарь, подмигивая посетителю.

Коморник со своими людьми добрался до указанного дома уже в сумерках. Хозяин встретил незнакомцев с тупым старческим озлоблением, держа топор наготове. Кто таков, зачем пожаловал? Жизнь с годами делает людей злее, чем они были прежде. Сама по себе старость не беда, дряхлость, беспомощность и бессмысленность существования – вот что истинное несчастье.

Посетитель невозмутимо поклонился в пояс – пожилые люди любят уважение – и заговорил. Услышав, что тот готов платить за постой и неплохо, хозяин сменил гнев на милость. Разулыбавшись беззубым ртом, показал светелку, в которой стояли две лавки, кособокий стол и растрескавшийся сундук.

– Это меня устроит, – кивнул Прокша, развязал кошель и заплатил задаток.

– Лучшего места не найдете! – заверил обрадованный старик, перебирая узловатыми пальцами монетки.

– И искать не надо, – зашамкала за его спиной хозяйка и добавила не к месту: – Под солнцем везде хорошо, это в земле холодненько, наверно...

Устроившись в Москве, Прокша стал размышлять о своем знакомце Шишке. Мысль его работала скачками, но стремительно, в одном и том же направлении. «Можно ли положиться на него? Раз он уже обманул меня в Луцке, взяв деньги и сбежав с ними. Как бы мне головой за новую встречу с ним не поплатиться... – спрашивал себя коморник и однозначно ответить на это не мог, но более опереться было не на кого; задействовать княжеского рынду представлялось наиболее перспективным делом. – Начну с него, а там посмотрим... Чай, и я не лыком шит...»

Будучи хитрым и ловким человеком, опытным в таких делах, Прокша обладал способностью легко сходиться с людьми. Прежде всего, по его мнению, каждому надлежало дать выговориться, после чего собеседник размякал, а дальше уж делай с ним, что хочешь.

Не найдя в Москве Шишку, Прокша свел знакомство с горбатым княжеским конюхом, которого звали Бориской. От него он проведал о том, что рында, ночевавший прежде у двери опочивальни Василия Дмитриевича, в начале зимы укатил за Софьей Витовтовной. Однако!

Каждый династический брак имел свою подоплеку. Породнение Василия с Витовтом не сулило Ягайло ничего хорошего. Прикупив пять возов пшеницы, Прокша отправил с ними своего человека в Краков с известием о готовящейся женитьбе великого князя, а сам остался в Москве в ожидании дальнейших указаний. Может, свадьба еще сорвется – в жизни чего только не случается, а потому загадывать ничего нельзя...

Чтобы находиться в курсе новостей московского двора, коморник подумывал было завести знакомство с одним из помощников княжеского казначея, ибо располагая сведениями о финансовых операциях московского государя, нетрудно догадаться о его намерениях.

13

В один из солнечных апрельских деньков, когда снег уже сошел с улиц и воздух, наполненный сладостными ароматами оттаявшей земли, пьянил, Шишка, прогуливаясь по Мариенбургу, в городской толчее ненароком задел некую горожанку. А может, она его случайно – теперь уж этого не разобрать. Женщина подняла такой крик, что не приведи Господи! Откуда ни возьмись явились стражники с алебардами. Когда надо, их не дозовешься, а тут как из-под земли выросли.

– Чего орешь, дура? – бесцеремонно спросил старший из блюстителей порядка.

Горожанка заявила, что у нее украли кошель, указав при этом на Шишку как на вора. От такой наглости тот даже потерял дар речи. Полоумных во все времена хватает, и к ним давно притерпелись, но такое вздорное обвинение его озадачило.

– Ладно, там разберутся, – заверил старший патруля молодому человеку.

Рынду подхватили под руки и повлекли к воротам Среднего замка, хотя за подъемный мост редко кого из горожан пускали. В Предзамье имелся свой суд для купцов и простолюдинов, тем не менее ему оказали честь...

Обескураженный Шишка оказался во внутреннем дворе. Затем его протащили по каким-то темным коридорам и втолкнули в одну из дверей. Помещение очень смахивало на каземат, горели две свечи в простом медном подсвечнике. Там коротал время секретарь Ордена по уголовному праву капеллан Фридрих. Кроме всего прочего он являлся доверенным лицом великого магистра по политическому сыску.

Жизнь членов Ордена – рыцарей, полубратьев и капелланов – нелегка, хотя купцы Данцига считали их самодовольными бездельниками. Такие, конечно, тоже имелись, но где их нет! Согласно уставу Тевтонского братства несколько раз за ночь его членов поднимали на молитву, не считая дневных месс, которые следовали одна за другой. Постоянные упражнения в ратном мастерстве для рыцарей и богоугодные дела для капелланов являлись непреложным законом духовно-рыцарского сообщества. Не участвовать в походе на язычников позволялось лишь старикам и инвалидам, доживавшим свой век в госпитальных, где за ними ухаживали священники. Остальным предоставлялось на выбор: победить или умереть.

Как и все члены ордена Пресвятой Девы Марии, брат Фридрих днем частенько подремывал – сказывался постоянный недосып. Дабы не уснуть, он время от времени щекотал себя в ухе вороньим пером, но это не слишком помогало. Бледное лицо капеллана выглядело суровым и бесстрастным. При звуке отворяющейся двери брат Фридрих мгновенно стряхнул и спросил:

– Кто такие? Что надо?

– Анна, вдова булочника с Предзамья, обвинила на улице Горшечников одного из прохожих в том, что тот вытащил у нее кошель. Подозреваемый с потерпевшей доставлены сюда, – невозмутимо доложил стражник.

– Вот и славненько, а то мне уже стало мерещиться, что люди переродились и перестали зариться на чужое добро, но это противоречит их натуре, – заметил капеллан, потирая руки.

Его улыбка – или гримаса – при иных обстоятельствах могла показаться симпатичной, но Шишке она не понравилась.

– Введите пострадавшую и обыщите подозреваемого.

Только теперь молодой человек рассмотрел полоумную, обвинившую его в воровстве. Выглядела она лет на тридцать или около того. Густые волосы выбивались из-под чепца, обрамляя лицо, а тонкие губы кривила ехидная усмешка. Не заметил Шишка в ней и признаков сумасшествия. Как ни странно, ее глаза были чисты и вполне осмысленны.

У него сняли с пояса калиту и, развязав ее, высыпали содержимое на стол. Секретарь лениво пересчитал монеты, а потом на маленьких черных весах, которыми пользовались юве-

лиры, менялы и аптекари, взвесил серебро и медь. Золото тогда в Европе почти не ходило. Одна из серебряных марок показалась брату Фридриху подозрительной, и он отложил ее в сторону, а вес остальных записал.

– Мое! Христом Богом клянусь! – вскричала женщина, и в ее глазах сверкнул бесовский огонек задора.

– Окстись! Да на тебе креста нет?! – в ответ на такое заявление вскричал рында.

– На, смотри! – крикнула женщина и в запале так рванула платье, что оловянные пуговицы, словно горошинки, посыпались на каменные плиты пола.

Действительно, на Анне висел простой медный крест на цепочке, но Шишка, как замороженный, уставился на ее молочно-белые с голубоватыми прожилками груди. Воистину правы церковники, называвшие женщин сосудом греха и источником вожделения.

Меж тем женщина, присев на корточки, принялась собирать раскатившиеся по полу пуговицы. Как-никак, они что-то стоили.

– Скажи-ка тогда, сколько в твоей калите денег? – пытаюсь уличить ее во лжи, спросил Шишка.

– Какая порядочная женка знает, сколько у нее в кошеле! Слава Богу, я ни жидовка, а честная христианка!

Шишка окинул ее недобрый взглядом и подумал: «Нет, все же она не в себе, хотя прикидывается нормальной, или я спятил!»

Несмотря на перебранку между потерпевшей и обвиняемым, брат Фридрих скрупулезно занес слова женщины на бумагу. Всем принадлежавшим к Тевтонскому братству не рекомендовалось смотреть на женщин, а уж на полуобнаженных и подавно. Тем не менее капеллан непроизвольно поднял тяжелый взгляд на Анну. Как и Шишка, он задержал взгляд на ее груди, мужское естество в нем заволновалось, но он пересилил себя, поморщился и велел:

– Застегнись, бесстыжая, и ступай прочь.

Запахнула ворот платья и спросила:

– А кошель?

– После, после... – махнул рукой капеллан и тяжелым взглядом уставился на нее.

Все поняв, женщина юркнула в дверь серой мышью. Капеллан вздохнул и велел стражнику звать палача, а потом добавил, обращаясь к Шишке:

– Посмотрим, как ты сейчас запоешь...

Вошел заплечных дел мастер в красной рубахе, поверх которой был надет рыжий кожаный передник из свиной кожи. У Шишки сами собой застучали зубы. Тот меж тем, не обращая на него внимания, принялся извлекать из сумы инструмент и аккуратно, с немецкой педантичностью раскладывать его на тряпице. Чего там только не имелось: какие-то щипцы, зажимы, ножички, струбцины и прочие непонятные, но зловещие приспособления. На некоторых орудиях попыток виднелись бурые следы крови. К чему их смывать, коли вскоре вновь замараются?

– За воровство знаешь что полагается? – подойдя к молодому человеку, полюбопытствовал капеллан.

Зрачки у Шишки интуитивно расширились. Пытаясь овладеть собой, тот начал заверять брата Фридриха:

– Я ничего не крал! Оговорила меня ваша чертовка. Клянусь в том Пресвятой Богородицей. К тому же я из московского посольства...

– Будь ты хоть из ада или из рая, меня сие не касается. Наказание за подобные преступления одно для всех. Коли бы передо мной сидел даже архангел Гавриил, я велел бы его пытаться. Перед законом все равны, а узнав обо всем, послы от тебя неминуемо отрекутся. Не сомневайся. Или не веришь?

Молодой человек сглотнул слюну и кивнул. Наконец брат Фридрих сменил гнев на милость:

– Коли желаешь все замять, то по крайней мере послужи Ордену и ответь, зачем тебя прислали сюда.

– За невестой нашего государя Софьей Витовтовной...

– За ней бояре прибыли, а ты даже не указан в числе членов посольства. Зачем же ты здесь?

– Дабы навести справки о девичьей чести княжны, а то люди всякое о литовках болтают. Говорят, чуть ли не под каждого ложатся, – сознался Шишка.

– Это, может, и так, но репутация Софьи в любом случае должна остаться безупречной, – ухмыльнулся брат Фридрих и неожиданно спросил: – Видел повешенных у моста через Ногат?

Там на каменной виселице и в самом деле болтались четверо с вывалившимися изо рта лиловыми языками, но рында на то ничего не ответил.

– Хочешь присоединиться к ним? – опять спросил капеллан.

Шишка внутренне содрогнулся и покачал головой.

– Вот и славно. Подпиши обязательство служить Ордену, после чего ступай на все четыре стороны. Я тебя найду перед отъездом и сообщу о прочем...

Брат Фридрих достал из ларца заранее заготовленный лист, писанный по-славянски, и пододвинул к Шишке чернильницу. Молодой человек принялся разбирать буквицы, беззвучно шевеля губами, а потом вздохнул и начертал: «Раб Божий Шишка».

Покинув Средний замок, Шишка остановился за рвом и потрянул кудрями, словно хотел отогнать наваждение. Но не получилось. Перекрестился и обернулся – не следят ли за ним, хотя какое это теперь имело значение...

В гостинице «Кабаний окорок», проклиная весь белый свет и не замечая ни яркого весеннего солнца, ни радостного щебета пичуг за окном, рында рассказал обо всем своему приятелю Симеону.

– Да, неприятная история, – заметил тот. – Но Бог не продаст, свинья не съест. Может, все еще как-нибудь обойдется.

14

Когда стало известно, что Софья, дочь Витовта, уезжает к своему суженому в далекую Москву, приходской священник церкви святого Лаврентия отец Иоганн загрустил. Считаясь ее духовником, он ни разу по-настоящему не исповедовал ее. Насильно мил не будешь...

– Наверно я грешна, отче... Прости меня за это, – просила княжна, застенчиво опуская свои малахитовые глаза.

Несколько раз он пытался выпытать у нее, в чем именно она провинилась перед Богом, но всякий раз это оканчивалось неудачей.

– Да я уж и сама не помню этого, отче... – отвечала лукаво плутовка.

«Простота и святая наивность!» – думал отец Иоганн, отпуская неведомые ему прегрешения своей духовной дочери, игравшей с ним, будто кошка с мышкой, и забавлявшейся тем. Ей нравился статный застенчивый священник, часто красневший при разговоре с ней и выглядевший так свежо, что хотелось откусить от него кусочек, словно от сочного спелого яблока, сорванного с ветки...

Цelibат⁴⁰ – тяжелейшее из испытаний для служителей католической церкви, ибо противоречит человеческой натуре и толкает душу на раскаленную сковороду преисподней, поскольку жажда слиться с женской плотью непреодолима. С болезненным рвением отец Иоганн пренебрегал удовольствиями мирской жизни ради вечной! Однако терпел, стиснув зубы. Когда в дверях храма появлялась княжна Софья в голубом платье, священник чувствовал, что гибнет безвозвратно и его ничто не может спасти...

Ночами, когда власть дьявола особенно сильна, молодого пастора со страстной душой так терзали бесы сладострастия, что он скрипел зубами. С этим не всякий способен совладать, как граф Роланд с маврами в Ронсевальском ущелье.

На исповедь в церковь святого Лаврентия Софья, по своему обыкновению, опоздала, и проповедь, сочиненная специально для нее, пропала даром. Когда княжна все же явилась в храм, отец Иоганн принялся наставлять ее, но уже не с кафедры, а из исповедальни:

– Дочь моя, при вступлении в брак со схизматиком тебе придется принять греческую веру... Ты это понимаешь?

– Что ж тут поделать? Я все выдержу, – потупив взгляд, кивнула княжна и вздохнула, словно считала сие тяжелейшим из испытаний, хотя уже побывала некогда православной, а до того даже язычницей.

Впрочем, она никогда не придавала особенного значения вопросам веры. Мать крестила ее когда-то в греческую веру. С отцом и дедушкой она ездила на языческие капища и поила молоком священных ужей, на свадьбе Ягайло перешла в католичество, в Луцке вновь стала посещать православные службы, а в Ордене снова ходила в латинскую церковь святого Лаврентия. Язычество литовцев и христианство разных толков так причудливо переплелись в ее голове, что отделить одно от другого уже было нельзя. Смена вер представлялась ей пустой формальностью, несмотря на то что люди тогда умирали и убивали друг друга за свои религиозные убеждения. Если бы ее руки добивался хан, то она, вероятно, приняла ислам, а коли ее руки попросил бы индийский раджа, то буддизм... Она была молода, и ее более занимали земные радости, нежели секреты потустороннего мира.

Меж тем отец Иоганн продолжал наставлять:

– В душе тебе следует остаться правоверной католичкой, и это тебе, надеюсь, удастся.

– Конечно, конечно, святой отец, – легко и бездумно согласилась княжна.

Завершив свои наставления, священник с грустью произнес:

⁴⁰ По-латински безбрачие. В данном случае обет безбрачия у католического духовенства.

– Да, вознаградит тебя за все Всевышний, дочь моя...

Эта красивая ладная литовка волновала и будоражила его воображение, а потому он добавил:

– Москва – земля схизматиков, подвластная нечестивому хану, о ней судачат всякое, и я боюсь за тебя. Коли была бы такая возможность, я последовал бы за тобой, но думаю, что это неверно истолкуют...

– Конечно. Я об этом, святой отец, вас и не прошу, – ответила Софья, потянувшись всем телом, словно кошка после сна.

Мысли отца Иоганна совершенно смешались, его бросало в жар. Не желая далее искушать его, Софья наклонилась к его руке, поцеловала ее и направилась к выходу, спиной чувствуя обжигающий мужской взгляд. О, эти священники, в них столько пыла и страсти!

«Чертовка! Да и что может сделать она со мной, служителем церкви? Разве что нечистый... Я никогда не видел ее жениха, но уже ревную к нему. Как невыносимо и нелепо думать, что она будет принадлежать другому...» – подумалось отцу Иоганну, и он попытался молиться.

Вечером, после целого дня хлопот, княжна надела ночную сорочку, но ее позвал себе Витовт. Он любил поговорить с дочерью перед сном. Такие беседы успокаивали его.

«До утра не дотерпеть, что ли?!» – раздраженно подумала Софья, но не стала перечить и отправилась к отцу, которого застала у горящего очага.

– Звал, батюшка?

Окинул ее оценивающим цепким взглядом: девка на выданье, кровь играет, и от этого никуда не деться, а значит, находится от греха на вершок. Самое время выдавать замуж...

– Скоро мы расстанемся, потому хочу дать тебе последние наставления.

«Что это за день такой? Каждый поучает, как жить...» – подумала Софья, потупив глаза.

– Будущее сулит каждому из смертных не одни удовольствия. Без ложки дегтя в бочке меда не обойтись, а потому усвой следующее. Не говори много, речистых жинок считают пустыми, но не будь и молчуньей, а то прослынешь злюкой. Помни, что как покойника не рассмешишь, так и глупца не вразумишь. Не дай почувствовать мужу свое влияние на него, пусть считает себя главой семьи, а если снимет со стены плеть, терпи: что бы ты ни сказала ему, все обернется против тебя. Хуже всего, коли тебя уличат в супружеской неверности, но никогда не признавайся в том. Стой на своем... Запомнила?

– Кажется, да, батюшка.

– Ну и славно. Стал замечать, что ты на пирах выпиваешь лишку. Остерегайся этого, милая. По крайней мере, мешай вино с водой. Теперь хочу знать: почитаешь ли ты меня?

– Конечно, – кивнула Софья.

– Тогда удерживай своего будущего мужа от недружественных шагов по отношению ко мне.

– Постараюсь, но смогу ли?

– Для этого у тебя есть супружеское ложе, посредством которого каждая жена способна из мужа вить веревки. Теперь о другом. Скоро Орден устраивает большую охоту. На ней мы совершим с тобой жертвоприношение нашим старым богам. Я не желаю обижать ни одного из них. Принесешь мне родовую клятву Гедимина⁴¹. После нее ты станешь моей союзницей до погребального костра, как считают литвины, или до гробовой доски, как говорят христиане...

⁴¹ Гедимин (ок. 1275-1341) – великий литовский князь (1316-1341), дед Витовта.

15

С весной с началом навигации рыцари с запада потянулись в Мариенбург в поисках славы, добычи и приключений, но пока дороги не просохли и не зазвучали гулкие походные трубы, их требовалось как-то сдерживать. А уж сколько кислого местного вина они выдули, так и не счесть. Кроме всего прочего, излюбленное дворянское развлечение – охота, и великий магистр благородный брат Конрад Цольнер фон Ротенштейн распорядился побаловать ею гостей.

Прусский лесничий фон Схонайн определил место для травли зверя и назначил день охоты. Еще до восхода солнца главный ловчий лично расставил загонщиков со свистками, трещотками, гудками вдоль кромки леса, и гости еще раз проверили оружие и по сотворили молитву Пресвятой Деве Марии. Возбуждение от предстоящей охоты все более нарастало.

Наконец ловчий трижды протрубил в рог и загонщики тут же подняли такой шум, что зверье невольно ринулось от них прочь. К цепи охотников приближался страшный, невообразимый рев и крики обезумевших от ужаса животных. Каждый спасался от смерти. Вскоре среди деревьев замелькала лесная мелочь – зайцы, лисицы, барсуки. Их беспрепятственно пропустили сквозь оцепление. Следом за ними появились косули, дикие козы, кабаны и волки. По ним некоторые из охотников уже начали стрелять.

Убийство пленило людей, и они в азарте нарушали строй, покинув назначенные им ловчим места и перемешались, хотя всем было известно, что еще немного – и появятся крупные звери: лоси, зубры, медведи, туры, которые шли последними, отбиваясь от борзых рогами, клыками и копытами.

Убедившись в том, что соседям не до них, Витовт поманил дочь, и они отъехали в сторону, а потом поскакали по узкой лесной тропе. Когда шум охоты за спиной начал стихать, они выехали на поляну. Князь протяжно свистнул, кусты напротив раздвинулись, и из них появился старик с длинной седой бородой в белой льняной одежде.

Витовт слез с коня, достал из переметной сумы черного и белого ягнят, отдал их волхву-кривису, и тот начал высекать огнем искры у хвороста, сложенного заранее. Тут внезапно на другой стороне поляны зашевелились кусты, и из них показался хозяин леса – медведь. При виде людей он сперва, опешив, замер, но потом взревел, поднялся на задние лапы и пошел на них. Витовт кинулся к рогатине, притороченной к седлу, и когда до зверя оставалось не больше пяти шагов, бросился ему навстречу и вонзил широкое острие меж передних лап медведя. Тот взревел, напирая на рогатину, от чего острие еще глубже входило в грудь. В следующий миг зверь осел, захрипел и повалился набок. Настал черед меча. Через мгновение все было кончено и Витовт уже вытирал клинок о свежую зеленую траву.

Вечером, возвращаясь в Мариенбург, переполненные впечатлениями охотники оживленно переговаривались, обсуждая то одно, то другое. Конечно, они с завистью вспоминали Витовта с его знатным трофеем, недоумевая:

– Как это ему удалось выследить косолапого и сразится с ним, без егерей и собак? Чудеса, да и только!

Другие искали виноватого:

– Куда только смотрел старший ловчий?

Третьи говорили:

– Везунчик этот литвин, да и только... Воистину, кому суждено утонуть, того не зарежут.

Великий магистр Конрад Цольнер фон Ротенштейн не участвовал в охоте, сославшись на государственные заботы, а на самом деле по телесной немощи. Ему все чаще вспоминался его предшественник, благородный Винрих фон Книпрوده, как будто манивший его к себе... «Не в

могилу же он меня зовет, не в часовню святой Анны.» – спрашивал себя магистр, прохаживаясь по двору.

Перед сном магистр молился в дворцовой часовне святой Екатерины, но даже в этот поздний час орденские заботы не оставляли его в покое. Дежурный паж, прервав чтение молитвы, с поклоном доложил о том, что в приемной его ожидает брат Фридрих. «Неужели это так срочно?» – подумал Цольнер, вздохнул и, поднявшись с колен, велел ввести капеллана. Орден превыше всего.

– С чем пожаловал? – сухо спросил магистр.

Вошедший поднял голову. Это был тот самый человек, который принудил Шишку к сотрудничеству с Тевтонским братством. В сумраке часовни лицо его выглядело еще бледнее, чем при свете дня, а глубоко посаженные глаза напоминали пустые глазницы черепа.

– Мне показалось подозрительным, что равнодушный к охоте Витовт изъявил желание принять в ней участие, к тому же с дочерью, у которой совсем другое на уме. Я велел проследить за ними... В лесу они якобы «запутали», но за ними неотступно следовала пара орденских егерей. Убив случайно напавшего на него медведя, князь принес жертвоприношение языческим богам, и Софья произнесла над кострищем то ли заклинание, то ли клятву, расслышать которую мои люди не смогли. Впрочем, если бы они и расслышали ее, то ничего бы не поняли, ибо не знают их скотского языка. Однако коли Витовт служит Богу, то не должен служить Дьяволу, ибо обоим служить невозможно.

– Литовцы неисправимы, – в задумчивости покачал головой магистр, а про себя подумал: «Пока князь подчиняется Ордену, ему можно простить даже тайное язычество, но простят ли бесы это тому, кто служит Христу? Это вопрос для теологов... Когда-то братья-тамплиеры имели связь с ассасинами, и чем это кончилось – всем известно...»

Будучи одновременно государем и монахом, богословом и интриганом, грешником и праведником, великому магистру вынужденно закрывал глаза на неблагоприятные поступки своих союзников в интересах ордена Пресвятой Девы Марии, а в преддверии похода на Литву такого союзника, как Витовт, трудно переоценить.

16

Для сопровождения дочери в Москву Витовт выделил своего свояка Ивана Ольгимунтовича Олышанского (Гольшанского) с дюжиной литовских витязей. Негоже княжне странствовать под чужой охраной, а свояк прежде посещал Великий Новгород с дипломатической миссией, знал тамошние нравы и был безусловно предан князю.

Великому магистру благородному брату Конраду Цольнеру фон Ротенштейну нездоровилось, потому он поручил ризничему Ордена вручить Софье в подарок ларец с украшениями из прусского янтаря и золотое распятие, освященное папой, неизвестно только каким – Бонифацием IX или Климентом VII...

Витовт надеялся с помощью братьев Ордена занять Вильно, а потому все его мысли занимал предстоящий поход. Князь согласовывал маршрут с великим комтуром⁴² Конрадом фон Валленроде и великим маршалом Эльгхардом Рабе фон Вильштайном, хотя другого пути в Литву, кроме как по Неману и Нерису, не существовало, ибо осадные пороки и пушки по лесным тропам не доставить, а без них Вильно не взять. Меж тем никто пока не ведал, что по совету коморника Прокши гарнизон столицы Литвы был усилен отрядом ляхов.

Кортеж Софьи направился к Данцигу, находившемуся на расстоянии около пятидесяти верст от Мариенбурга. Всадник на доброй лошади мог преодолеть этот путь за день-полтора, но посольский поезд останавливался во всех замках, а те стояли через каждые десять верст, и там пировали.

Справа от повозки княжны скакал Иван Ольгимунтович, а слева – княжеский рында Шишка. Время от времени Софья высовывалась то в одну, то в другую сторону и заговаривала с одним из своих сопровождающих. У первого она расспросила о Великом Новгороде, который ей предстояло посетить, и о волках-оборотнях, которые водились в тамошних лесах, а у второго – о житье-бытье в Орде и морских чудовищах, которые, как тот утверждал, он видел, плывя из Кафы в Царьград. Развлекая княжну, оба врали напропалую. Она об этом догадывалась, но не показывала и виду, кивая всему, что ей говорили.

Из Данцига посольство на купеческом когге «Святой Яков» намеревалось добраться до новгородской крепости Орешек, или Орехов. Высокобортные суда этого типа имели навесной руль, кормовую надстройку – ахтеркастль, неплохие мореходные качества и обладали хорошей грузоподъемностью, но были тихоходны. Однако для коммерческих перевозок скорость имела второстепенное значение. Опасаясь литовского наместника Ягайло – Скиргайло, Витовт настоял на выборе морского пути как наиболее безопасного. В Жмуди Софью в самом деле поджидали недруги. Все, что происходило в Мариенбурге, вскоре доходило до Вильно и наоборот. Обе столицы кишели лазутчиками, которых вылавливали и вешали, но свято место пусто не бывает. Сохранить отъезд Софьи в тайне не представлялось возможным.

Магистрат Данцига по случаю приезда московского посольства с княжной устроил в ратуше прием. Особое место при этом занимали пир и танцы. По обычаям той поры, кавалерам полагалось приглашать на танец своих соседок, сидящих по левую руку и в течение вечера не полагалось менять партнерш. К своему несчастью, тучному и немолодому Ивану Ольгимунтовичу пришлось танцевать с резвой княжной то «в цепочку», то «по кругу». Тем временем Шишку, скучавшего на празднике жизни, разыскал брат Фридрих и дал ему последние наставления о том, как следует поступать в том или ином случае...

Через день матросы распустили большой белый парус с черным крестом Ордена, и когг направился к Данцигскому заливу.

⁴² Комтур (командор) – правитель города или замка.

Плиний Старший⁴³ для обозначения этого малоизвестного древним моря употреблял слово «Метуонис», то есть море Страха, ибо никто не ведал его пределов. Впоследствии его называли Венетским, Славянским, Свебским, Сарматским морем, а руссы – Варяжским. Впервые Балтийским морем его нарек Адам Бременский в XI веке, хотя конфигурация его еще оставалась неведомой.

На севере от Данцига лежал скалистый остров Готланд, а на нем – город Визби, логово витальеров – корпорации морских разбойников. Для них не имело значения, кого грабить: рыбака, купца или посла. У первых они забирали улов, у вторых – товар, а у третьих – все вплоть до исподнего, а коли кто-то кобенился и не желал отдавать, то и жизнь. Пираты не верили ни в бога, ни в черта и называли себя друзьями Спасителя и врагами мира. Имелись на Балтике и другие корпорации джентльменов удачи. Особенно трагичной оказывалась судьба женщин, попавших к ним в руки... Старух выкидывали за борт, а с остальными разбирались по-разному. Так, дочь барона фон Фанштейна, плывшую в Ригу, обязали несколько месяцев трудиться в публичном доме Визби, где ее пользовали по нескольку раз за день, и в конце концов ее зарезал пьяный шкипер накануне получения пиратами выкупа от ее семьи.

⁴³ Плиний Старший (23-79) – римский историк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.